

И. ЭКСЛЕР

СТРАНА ЛЕДЯНАЯ

РАБОТНИК ПРОСВЕЩЕНИЯ

1 9 3 0

И. ЭКСЛЕР

СТРАНА ЛЕДЯНАЯ

СОВЕТСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ
НА ЗЕМЛЮ ФРАНЦА-
ИОСИФА В 1929 г.

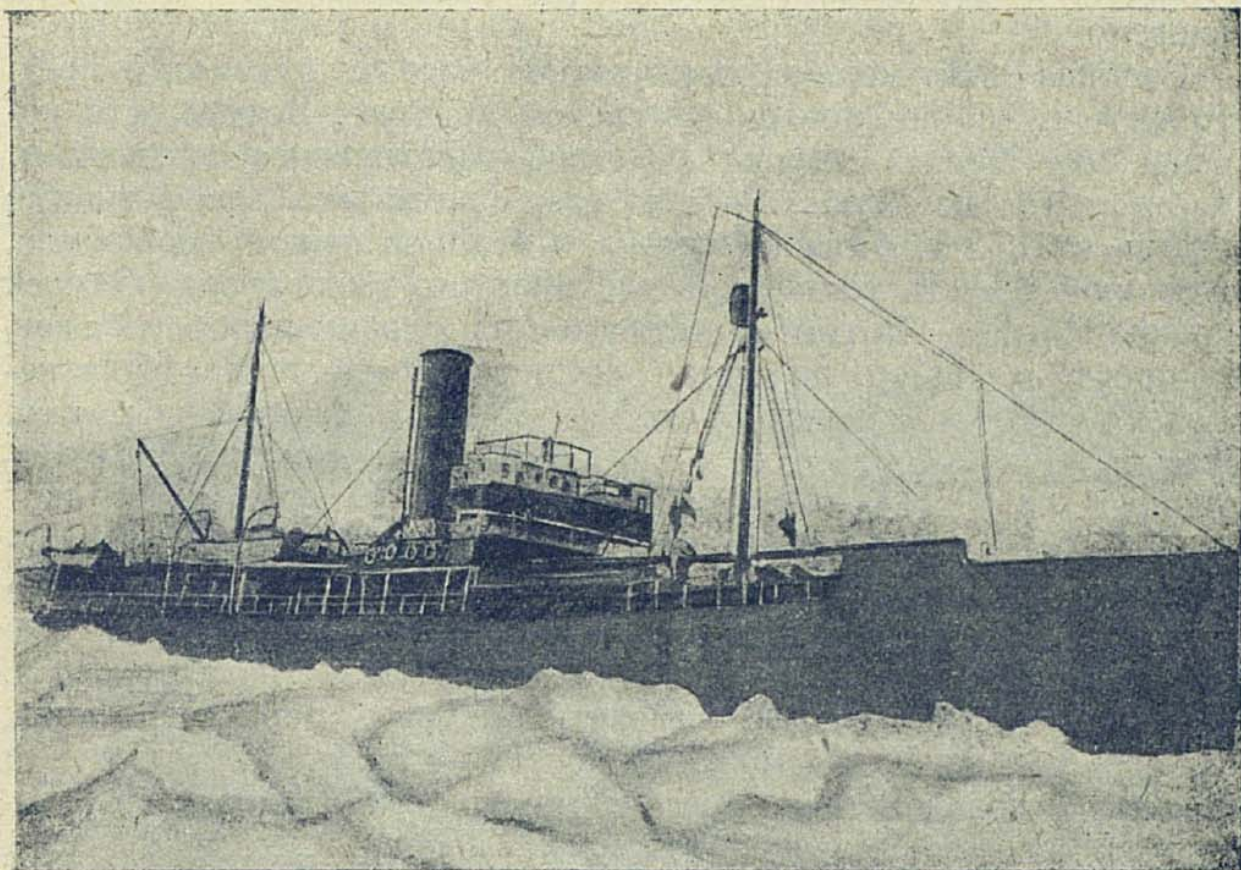
РАБОТНИК ПРОСВЕЩЕНИЯ
МОСКВА

1 9 3 0

СО Д Е Р Ж А Н И Е

	<i>Стр.</i>
I. Перед выходом в море.	5
II. Пересекаем полярный круг.	10
III. Форсируем льды.	12
IV. Охота на медведей	17
V. Где молчат айзберги.	20
VI. В бухте Тихой	26
VII. Мировой рекорд.	42
VIII. Домой.	49

Помору
Владимиру Ивановичу
Воронину
посвящается этот
очерк.

Ледокол «Седов», затертый во льдах.

I. Перед выходом в море.

Был летний вечер. Поезд мчался из Москвы на далекий север, в Архангельск. В вагоне было душно. Как я ни устал за последние, полные спешных приготовлений дни, я не мог уснуть. Над изголовьем висел на ремне новенький фотоаппарат, из-под подушки выглядывала маленькая дорожная пишущая машинка. Огромные чемоданы, мохнатая шуба, множество пакетов загромождали все купе. Да, я ехал на север, в Архангельск, чтобы оттуда на ледоколе «Седов» отправиться с экспедицией на Землю Франца-Иосифа...

Еще несколько дней—и мы отправимся на самую северную и самую близкую к полюсу землю. Между 80° и 82° северной широты, среди вечных льдов лежит эта неизвестная земля, случайно открытая 57 лет назад австрийскими учеными Вайпрехтом

и Пайером и всего лишь несколько раз посещавшаяся после того человеком.

Засыпая под мерное покачивание вагона, я думал о предстоящем пути по коварной, суровой Арктике. Всякий, кто посещал эту землю, терпел бедствие. Австрийская экспедиция, снаряженная на судне «Тегетгоф», затертая дрейфующими льдами, в 1873 г. была принесена к берегам неизвестной земли, названной в честь тогдашнего австрийского императора—Землей Франца-Иосифа. Потом «Тегетгоф» был разбит напором льдов, Вайпрехт и Пайер по льдам достигли земли, исследовали несколько островов, нанесли их на карту и двинулись к югу. Здесь, у Новой Земли, они были спасены русским помором Ворониным.

За храбрыми австрийцами через 25 лет, в 1899 г., итальянская экспедиция герцога Абруццкого на судне «Стелла Поляре» достигла Земли Франца-Иосифа, обследовала ее, но за свою смелость была наказана: «Стелла Поляре» застряла во льдах, итальянцы должны были зимовать, потеряв трех храбрецов, вызвавшихся пешком идти к полюсу—Кверини, Стоккена и Ольера. Зимовал здесь и англичанин Джексон, и Нансен с Иогансеном, и многие другие, кто осмеливался прорваться сюда. В 1903 г. на Земле Франца-Иосифа погиб корабль «Америка», на котором находилась американская экспедиция. Два года бедствовали во льдах, во тьме суровой полярной ночи американцы прежде, чем были спасены. В 1912 г. севернее Земли Франца-Иосифа погибло во льдах судно «Святая Анна», два года спустя—во льдах земли Франца-Иосифа погиб отважный русский исследователь лейтенант Георгий Седов.

И вот теперь, в 1929 году, по решению советского правительства, на ледоколе, носящем имя этого отважного лейтенанта, снаряжается советская экспедиция на Землю Франца-Иосифа. Нам предстоит сквозь вечные льды пройти к этой земле, по-настоящему исследовать ее, провести ряд важных научных работ и построить на ней самое северное в мире человеческое поселение. На Земле Франца-Иосифа мы должны оставить семерых смельчаков. Они будут вести там научные наблюдения и по радио сообщать о них на землю.

Работа этих семи зимовщиков будет иметь мировое значение. Именно в результате их наблюдений можно будет более точно предсказывать погоду во всем Советском Союзе и во всей Европе, так как погода «делается» там, на крайнем севере, у самого полюса. До сих пор Земля Франца-Иосифа никому не принадлежала. Но с 1926 года, по декрету ЦИК СССР, согласно

которому все земли, расположенные в северном полярном секторе Советского Союза, были объявлены принадлежащими к СССР, земля Франца Иосифа стала советской землей.

Кончились сутки, снова пришла прохладная ночь, и поезд наш прибыл в Архангельск, где в порту кипела работа—«Седов» готовился в далекий поход. Из Москвы, из Ленинграда уже с'ехались сюда все участники похода: начальник экспедиции и правительственный комиссар Земли Франца-Иосифа проф. Отто Юльевич Шмидт, его помощники проф. Р. Л. Самойлович и

Руководство экспедиции. Слева направо: пом. нач. экспедиции проф. В. Ю. Визе, нач. экспедиции проф. О. Ю. Шмидт, пом. нач. экспедиции, директор Института по изучению севера проф. Р. Л. Самойлович.

проф. В. Ю. Визе (оба они возглавляли советские экспедиции по розыскам дирижабля «Италия» в 1928 г.), зоолог Горбунов, географ Иванов, гидробиолог Лактионов, врач Белкин, корреспонденты Весеньев, Громов и Экслер—все уже были здесь, уже работали на ледоколе, готовясь к походу. Нам помогали, наблюдая за погрузкой своих вещей и продовольствия, едущие с нами семь смельчаков, остающиеся на Земле Франца-Иосифа: начальник поселения Илляшевич, метеоролог Шашковский, радист

Кренкель, доктор Георгиевский, механик Муров, служитель Алексин и повар Знахарев. Для постройки трех зданий поселка с нами ехала артель архангельских плотников и печников.

С непередаваемым волнением поднимался я в первый раз на ледокол. На палубе меня встретил загорелый, стройный блондин—капитан «Седова» Владимир Иванович Воронин. Наш капитан—потомок того самого помора Воронина, который 57 лет назад спас от гибели австрийцев, открывших Землю Франца-Иосифа. Сын простого рыбака, он с восьми лет плавает в северных морях. Много плавал на своем веку во льдах Владимир Иванович Воронин, один из лучших северных моряков...

Я сижу в уютной капитанской каюте и жадно слушаю спокойную речь командира «Седова».

— Судно во льдах испытанное. И все же перед таким серьезным плаванием оно целый месяц находилось в капитальном ремонте. Поход будет трудным. Льды в этом году тяжелые. Придется руководиться прежним опытом, своим морским нюхом...

А опыт был большой. «Седов» не раз уже выдерживал сильный напор льдов.

— «Седов» построен в Англии 20 лет назад. До войны он плавал во льдах Канады, совершал рейсы из Англии в Канаду и назывался «Беотик».

Потом «Беотик», названный «Седовым», участвовал в Карской экспедиции и ежегодно проводил сквозь льды коммерческие суда. С 1926 года «Седов», кроме того, в зимнее время ходит на промысел в Белое море, охотясь за гренландским тюленем. В 1928 г. «Седов», находившийся на промысле, получил приказ участвовать в поисках остатков дирижабля «Италия». «Седову» удалось тогда дойти до берегов Земли Франца-Иосифа, но, к сожалению, поиски были безуспешны. От Земли Франца-Иосифа «Седов» свободно достиг восточного берега Новой Земли и Карскими воротами прошел в Баренцево море.

«Седов» хорошо приспособлен для борьбы со льдами—он имеет дюймовую стальную обшивку и специальный ледяной пояс, охватывающий всю нижнюю часть корабля. В 1928 г. вблизи острова Виктории «Седов» был сильно сжат льдом. Ледокол кренило на 10° , его сжало стоящими на мели айсбергами, но он остался невредим. В том же году ледокол был прижат вплотную к нагромождению ледяных гор на мели Литке в Белом море. Зюйд-вест нажимал на правый борт, левый борт стоял неподвижно вплотную к горе льда, движущиеся льды залезали на палубу, образовав торосы выше борта на шесть фу-

тов. Пароход был весь заложен льдом. Но лишь стих ветер, льды разжало, и «Седов» благополучно выбрался из цепких объятий Арктики.

— Это дает мне основание думать,—заканчивает нашу беседу Владимир Иванович,—что «Седов» справится с возложенной на него задачей. А теперь, простите, надо идти наблюдать за ходом погрузки.

Горячая работа идет днем и ночью. С одного борта—с пристани, из складов грузят продовольствие, с другого борта—с подошедшей баржи лебедкой поднимают ящики с машинами, строительные материалы. Радист Кренкель и механик Муров суеются на палубе с накладными в руках, тщательно проверяя каждый ящик: если будет забыт хотя один винтик, самая северная в мире радиостанция не заработает! Старший помощник капитана Ю. К. Хлебников совсем сбился с ног—к нему непрерывно ходят грузчики, спрашивая, куда грузить наши бесчисленные грузы, наш трехлетний запас продовольствия. Всюду суета, крик, громохание паровых лебедок.

Много плавал на своем веку во льдах Владимир Иванович Воронин, один из лучших северных моряков...

Последний день мы ходим по деревянным архангельским тротуарам, последний день мы ходим по земле. Отто Юльевич, наш начальник, получает каждый час телеграммы, среди которых много просьб взять с собой в экспедицию.

Последние часы гуляем по улицам Архангельска. Весь город знает об экспедиции, весь город участвует в ее снаряжении. Нас, участников экспедиции, сразу узнают по нашим кожаным костюмам, по тяжелым сапогам, позволяют вне очереди делать закупки в магазинах. В одном из номеров Троицкой гостиницы последнее «земное» совещание: завхозом экспедиции мы избираем нашего географа И. М. Иванова, за которым опыт хозяйствования на «Красине», мне поручаются вопросы радиосвязи с землей. Кто знает, может, там, на Земле Франца-

Иосифа, наш радист Гиршевич потеряет связь с землей? И не следует ли усилить мощность промежуточных станций по Новой Земле?

Мы не успели еще освоиться на корабле, занять свои каюты, как началось паломничество на корабль. Сначала экскурсии туристов из Москвы, потом архангельские школьники и пионеры. Ходили по палубе, засматривали в разверстые пасти трюмов, оглядывали каждого из нас то с любопытством, то с состраданием:

— Вот смельчаки, идут на верную гибель...

Наконец, засновал по каютам агент Госстраха. В длинном, странном пальто он произносил страшные, но никого не пугавшие речи:

— Семья. Останется семья! Разве вы не видите, что такой маленький корабль не выдержит тяжелого пути во льдах. Пропадете там, что будет с семьей?..

Смешно было видеть, как этот агент Госстраха преследовал нашего капитана: не зная, кого он намечает жертвой,—капитан наш на берегу ходил в мягкой шляпе и в штатском костюме,—он говорил, убеждал:

— Ну послушайте, ну разве вы не видите, что это судно никуда не годится, застрахуйтесь же...

Пришли последние суматошные часы. Завтра вечером мы выходим в море.

II. Пересекаем полярный круг.

В ночь на 21 июля 1929 года вся набережная в Архангельске была густо запружена людьми. На стенке не хватало места: портовые краны увешаны гирляндами шумливой молодежи, на крышах, на высоком берегу,—езде разместились люди, чтобы лучше видеть корабль, отправляющийся с экспедицией в далекую, неведомую и опасную ледяную страну.

Ящики с продовольствием, груды строительных материалов уже покоились в трюмах «Седова», палуба его уже полна была собаками, верными спутниками человека в далекой Арктике,—нервный лай их не в состоянии пересилить гул толпы. Звуки оркестров смяли последние слова прощания... Убирается трап.

Под звуки «Интернационала» «Седов» отшвартовывается и выходит на рейд. Сотни парусных яхт, моторных лодок и пароходиков с оркестрами потянулись за ледоколом. Они сопровождают его по Двине, до выхода в Белое море.

Прощай, земля! Скоро ли мы увидим тебя, Архангельск?..

Не хотелось уходить со спардека. С биноклями в руках мы искали уходящие берега, жадно всматриваясь в последние зеленющие ели.

Через день мы вошли в Ледовитый океан. Ледокол бесшумно рассекал его чернильные воды. Наш курс был прямо на nord. Мы больше не встречали немецких и норвежских лесовозов и тральщиков, идущих за лесом и рыбой к советским берегам. Нам больше не салютовали суда. Мы были уже одиноки на своем смелом пути.

На «Седове» начались трудовые полярные будни—с выходом в океан развернулась научная работа. Гидрохимическая и гидро-биологическая лаборатории приступили к определению температуры различных слоев воды. Особым прибором, «цеппелином», ловили мы простейших животных моря—ракообразных и инфузорий. Владимир Юльевич Визе начал свои сложные метеорологические наблюдения. Астроном и географ Иванов принимал по радио густые металлические сигналы времени обсерваторий Науэна и Бордо. Вскрывались ящики с приборами и посудой. Много пришлось поработать в трюмах, приводя в порядок запасы. Усталые, измученные, завалились мы спать, не подозревая, какой сюрприз готовит нам океан.

В полночь разбудил нас шторм. Волной заливало каюты твиндека. Многие проснулись на полу, залитом соленой водой, рядом со своей койкой; другие были подняты морской болезнью. С помутневшими взорами, измученные тошнотой, бродили мы по небольшому нашему кораблю, который бросало вверх и вниз. Плохо пришлось нам, новичкам, но еще хуже нашим бедным собакам, семи коровам и лошади, которых разместили на палубе. Ледяной соленый шквал яростно набрасывался на них, угрожая смыть в море. Пришлось разобрать собак по каютам. Умные, безгранично преданные человеку полярные лайки проявили изумительную признательность за спасение. Черный пес Юшар, живший со мной в каюте, рабски следил за каждым моим движением, желая предугадать и выполнить малейшее мое желание. Когда я входил в каюту, он поднимался со своего места и с виноватым видом жадно следил за мной. Он словно спрашивал: не мешаю ли я тебе, мое божество?.. Я скоро обменял Юшара на другого, тоже черного как смоль, но своенравного и дерзкого пса Мишку. Он был настолько бесцеремонен, что, возвращаясь с палубы после обычных драк (самое любимое развлечение полярных собак—драки), окровавленный в битве и продрогший от нордового ветра, смело прыгал в мою

постель и уютно устраивался под одеялом, оставляя на простынях грязные следы своих лап.

После ночи шторм бушевал еще целый день. Затем он стих. «Седов» вошел в теплое течение Гольфштрема. Температура воды повысилась до 3,8 градусов тепла. Зеленые воды полярного моря разбавлены здесь синеватой теплыней Атлантического океана, водами, принесенными из тропических стран. Мы мысленно прощались теперь с этими синими волнами—последними вестниками тепла на нашем пути к крайнему северу.

Стою на палубе, не хочется спускаться вниз, в свою залитую водой каюту. Ветер снова крепчает. Но все уже чувствуют себя храбрецами: перенесли шторм в океане!

Моряки подсмеиваются над нами. Улыбается в тарелку капитан, хитро молчат наши штурмана и механики. У них есть аппетит, они едят много, как всегда, и только мы, побитые штормом, копаемся вилками в тарелках как капризные дети. После обеда все прячутся по каютам, отлеживаются после тревожного дня. В каютах темно: зеленые волны заливают иллюминаторы...

Только два человека не спят. Зоолог Горбунов и гидробиолог Лактионов не знают перерыва в своих научных занятиях. Мы называли их в шутку в честь австрийских ученых, открывших Землю Франца-Иосифа, Вайпрехтом и Пайером—всегда вместе возились они со своими приборами, не прекращая работы даже в шторм. Они несли по очереди свои научные вахты, наблюдая за морем, воздухом, птицами и т. д. А сейчас, кроме того, они выбрасывали бутылки с записками на русском и английском языках для изучения морских течений. Каждая бутылка для тяжести залита застывшей известью—она не должна высовываться из воды, ее должен носить по волнам не ветер, а течение. Каждая записка представляла собой почтовую открытку, на которой было напечатано:

«Эта бутылка опущена с целью изучения морских течений. Нашедшего ее просят сообщить об этом Институту по изучению севера в Ленинграде, указав место и время находки».

III. Форсируем льды.

У семьдесят седьмой параллели, в густом, холодном тумане нас встречает сизый айзберг. Это первый вестник приближающихся льдов. Айзберг был настолько велик, что, несмотря на туман, затемнил половину палубы, а мачты «Седова»

оказались ниже его вершины. Вскоре мы увидели плывший мимо второй айсберг. Он показался очень маленьким и невысоким, но его действительные размеры мы узнали после того, как от движения ледокола он перевернулся: на поверхности моря показались высокие острые края ледяной горы, до сих пор покоившиеся под водой.

Скоро льды. Проводим все время на спардеке, уже одетые по-зимнему. Наш ледовый профессор В. Ю. Визе целый день не выпускает бинокля из рук, но в продернутой туманом синеве пока ничего не видно.

— Это хорошо!—говорит он. — Это прекрасно! Чем дальше от нас лед, тем меньше нам придется воевать с ним.

Дошел ведь в 1881 г. шотландец Лей Смит до Земли Франца-Иосифа чистой водой. Может, и нам повезет, как тому шотландцу...

Мы два дня ждали льдов. Наконец, опытные полярники, пристально следившие за горизонтом, сообщили о показавшемся «ледяном небе». Так называют отражение льда—узкую белую полосу на горизонте. Вскоре после этого, когда, поужинав, мы все сидели в кают-компании за оживленной беседой, вошел В. Ю. Визе и, отряхивая снег с шапки, сообщил о появлении льдов.

Выбежав на палубу и забравшись на верхний мостик, в сорокакратный капитанский бинокль увидел я кромку—серебристую, изломанную ниточку льда. Это торосы придают льдам такую фантастичность. Еще полчаса,—и мы слышим стук и скрежет льдин, царапающихся о борт.

Идем тонким, весенним льдом. В трещинах и разводьях, без снежной корки, этот лед синеват. Когда же встречается лед осенний, т.-е. со стажем не менее года, обнаженные места его кажутся ярко-лазурными, зелеными, голубыми.

Тяжелых льдов еще нет, и Владимир Иванович был бы совсем весел, если бы ему не досаждал туман. Нельзя двигаться вперед, не видя даже носа корабля. Даже в свой сверх-бинокль капитан ничего не видит. А искусство кораблевождения во льдах («Седов» в пять раз меньше «Красина» да, кроме того, не ледокол, а ледокольный пароход) заключается не столько в том, чтобы форсировать, т.-е. колоть лед, сколько в том, чтобы искать свободного прохода между льдами и лишь в крайнем случае форсировать слабый лед, доступный силам «Седова». В тумане же, не видя горизонта, нетрудно застрять в непроходимом льду так, что потом не выберешься назад.

К туману присоединился снег. Снежные хлопья валят во-всю, не считаясь с тем, что было 26 июля—разгар лета на

материке. Палуба, бочки, коровы, собаки покрылись уже белым саваном.

«Седов» остановился в ожидании ясной погоды.

Когда ледокол в движении, веселее и разнообразнее текут дни. Спокойнее засыпаешь под царапанье льдин о борт корабля, спокойно просыпаешься под эти же звуки и прямо с койки прыгаешь к иллюминатору, чтобы взглянуть на льды, которые манят разнообразием и причудливостью торосов.

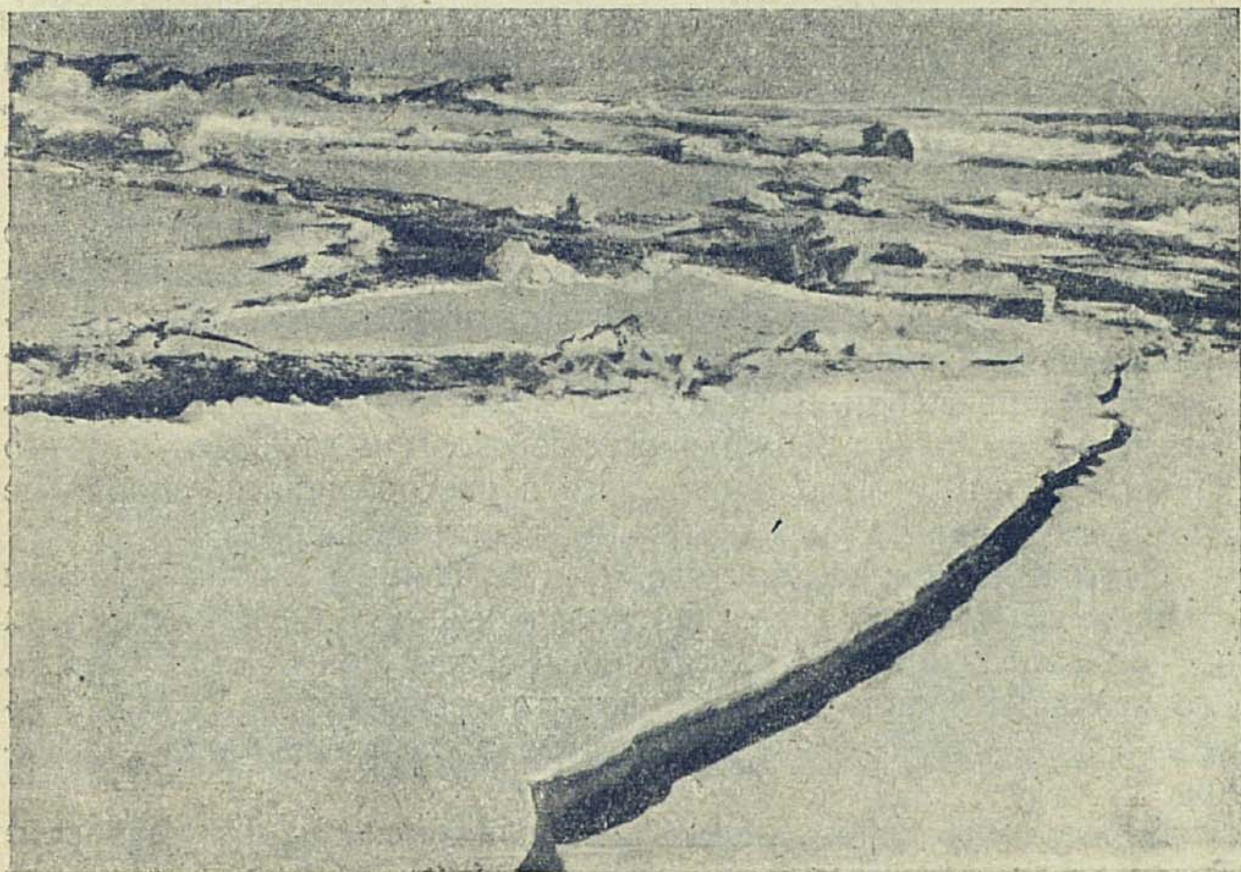
Когда ледокол в движении, как зачарованный стоишь целыми часами на баке, наблюдая, как на полном ходу он вползает на льдину, которая после долгих секунд сопротивления покорно раскалывается на части, расступаясь под железным напором корабля. Когда же мы насккиваем на толстую, многолетнюю льдину и ледокол, несмотря на полный ход вперед, останавливается,— тогда вахтенный штурман резко рвет ручку машинного телеграфа: «полный ход назад!», затем: «полный вперед!». Взбираясь после этого разгона на льдину почти до половины корпуса, наш ледокол застывает в таком положении на одну-две секунды. Раздается глухой треск и журчание воды, зеленым потоком заливающей белоснежную поверхность льдины, после чего нос ледокола глухо ухаает со льда вниз. Это падение так стремительно, что, если зазеваться, трудно устоять на месте.

От самой кромки льда нас сопровождает стая плачущих чаек. Маленькие наваги, выбрасываемые давлением воды на поверхность трескающегося льда (рыба эта живет и кормится под самым льдом), быстро подбираются чайками, стрелой падающими на свою жертву. Когда ледокол разбивал лед, выбрасывая рыбешку, наши крылатые спутники летели рядом. Когда же ледокол шел чистой водой, едва касаясь льдин бортами, чайки отдыхали на торосах. Они оставались далеко позади до тех пор, пока мы вновь не начинаем форсировать лед. Но как только начинался гул трескающихся льдин, они быстро нагоняли нас, чтобы продолжать насыщаться выбрасываемой на лед рыбешкой.

«Седов» стоит во льдах, запертый туманом и пургой. Люди становятся молчаливыми и желчными. Единственное развлечение—вылазки на лед кино-оператора и фотографов. Осторожно спускаемся по шторм-трапу на льдину. Лед не толст, но он крепко спаян и выдержит много народу. Ворчливый, вечно жалующийся кино-оператор Новицкий устраивает уже на льдине свое походное ателье... Шагаем, проваливаясь в сугробах чистого снега. Каким маленьким, беспомощным кажется издали, из-за хаоса торосов, наш «Седов»!

Проходим трещину, которую час назад тщательно обходили. Все вдруг смелеют, без багров, с шутками перепрыгиваем через широкие щели и разводя с густо чернеющими в них водами океана, шагаем по подозрительным лужицам, ничем не отличающимся от свежее затянутой полыньи...

Затем в кают-компании, нашем полярном клубе, румяные и ожившие, ведем мы веселую беседу. Яркие взрывы иронии и увлекательные морские рассказы капитана—все это началось после первой вылазки на лед. В этот день мы еще не подозревали о грядущих происшествиях, которые готовила нам Арктика.

Первые льды.

Кают-компания была для всех нас местом отдыха, развлечений и бесконечных разговоров на самые разнообразные темы. Первая роль в ней по праву принадлежала нашему капитану. Его поморские рассказы слушались с жадностью. Перед нами вставал суровый, героический быт поморов, плававших на парусниках по Мурману и северной Норвегии, полный тяжелых приключений быт северного моряка. Поморы проводят всю свою жизнь на корабле. Море для них тоже, что для нас земля. Поморам некогда отдыхать, многие из них не умеют даже плавать—некогда

купаться. Весной уходят они на своих судах на промысел и возвращаются лишь поздней осенью. Жизнь поморских селений замирает на все лето, дома остаются женщины и старики, дети же берутся в море уже с восьми лет. Каждая поморка с тревогой ждет осени: не случилось ли несчастья с любимым сыном, мужем, женихом? Так идут эти дни, обвеваемые морским дыханием.

Владимир Иванович всегда рассказывал, сидя на привинченном к полу кресле за узким концом стола. Слева от него обычно сидел второй штурман Падорин—мрачный, небритый, молчаливый. Это тоже помор, тоже с детства, как Воронин, на море. Он тоже был капитаном парохода, но океан посмеялся над его смелостью: в обманчивом тумане посадил Падорин свой пароход на мель. Желая спасти судно, он приказал выбросить за борт груз, но ничто не спасло судно от гибели, а капитана от суровой ответственности.

Отто Юльевич Шмидт отлично справлялся с ролью старшего товарища и руководителя наших бесед и споров. В нашей кают-компании собралось двадцать молодых и здоровых людей, обреченных на томительное бездействие, находившихся в постоянном нервном напряжении. Бывало поэтому, что из-за какогонибудь пустяка подымались бесконечные разговоры и даже ссоры. Отто Юльевич всегда умело вмешивался в разгоравшийся спор и не давал ему принять нежелательные, острые формы.

Отто Юльевич, кроме того, был отличным пропагандистом своих вкусов и симпатий. Он носил пышную бороду и многих из нас соблазнил запустить себе бороды во время плавания. Его агитация скоро дала результаты—все население «Седова» стало бородатым, бритвы были заброшены на дно чемоданов...

Полярным вечером, ничем не отличающимся от полярного дня, в тумане, натыканном хлопьями снега, забывшись, можно представить себя в Москве, зимним вечером, когда спины у прохожих и извозчиков также белы от снега, как бушлат старшего штурмана Хлебникова. Но в уши лезет мерное дыхание машины, тихий, надрывный вой заболевшей собаки и раскаты смеха из кают-компании. Это не зимний вечер в Москве, это июльский день в Арктике, между Шпицбергом и Новой Землей. Вахтенный штурман тщетно пытается что-нибудь разглядеть впереди, он идет в карточную рубку и, склонившись над картой, говорит, ни к кому не обращаясь:

— Осталось 130 миль!

IV. Охота на медведей.

Эти же дни принесли нам первого медведя. Часа через два после того, как мы вошли в кромку льда, на просторной льдине показался медведь. Он стоял у тороса, низко опустив голову, что-то обнюхивая. Первое, что бросилось в глаза, это то, что он был не белый, а желтый, настолько желтый, что издали казался даже коричневатым. Медведь не испугался парохода, — черного чудовища, несущегося, раздвигая льдины, мимо него. Вечно

Лебедка неуклюже тащит медведя по снегу, вздергивает его у борта парохода и медленно распластывает тушу на палубе.

странствуя по льдам, несущим его мимо неподвижных айсбергов или берегов, он, вероятно, привык к таким подвижным панорамам. Медведь спокойно продолжал обнюхивать снег. Однако, когда забегали по судну, доставая винтовки, Мишка повернул, побежал и очень быстро скрылся в тумане.

Вскоре нам встретился второй медведь. Не обращая никакого внимания на корабль, он медленно, не оборачиваясь, шел вперед, а потом повернул по льдине наперерез леδοколу. В 20 шагах кто-то из матросов, находившихся на баке, выстрелил, но

промахнулся. Медведь тотчас же круто повернул назад, но ему удалось пробежать всего лишь несколько шагов—пуля штурмана Хлебникова сразила его.

Быстро спустившись по штурм-трапу, матросы проделали канат вокруг еще теплого зверя. Лебедка неуклюже тащит медведя по снегу, вздергивает его у борта парохода и медленно распластывает тушу на палубе.

Наши фотографы запечатлевают первую добычу, а тов. Хлебников, молча, но с явно довольным выражением на лице острым кинжалом уже делает продольный разрез шкуры. Скоро обнажается жирный пах и складки жира, залившие могучую мускулатуру. Льется много черной крови, и все наше собачье население, учуяв добычу, деловито обнюхивает тушу, путается в ногах и нервно повизгивает. Затем приходит со скальпелями наш зоолог Горбунов, делает настоящее анатомическое вскрытие, демонстрируя перед свободными от вахты кочегарами то сердце, то легкие медведя.

На другой день, во время обеда, появилась у самого ледокола медведица с медвежонком. Она шла, часто останавливаясь, обнюхивая воздух, за нею ритмично останавливался медвежонок, беззаботно поглядывавший вперед и как бы недовольный частыми остановками осторожной матери.

Мы замерли с винтовками в руках, ожидая сигнала тов. Шмидта. Медведица уже заметила нас: она стала на задние лапы, понюхивая несущиеся с ледокола приятные ее голодному обонянию запахи, и решала: идти ли вперед? Чтобы заснять этот момент для кино, тов. Шмидт приказывает не стрелять, подпустив медведицу с медвежонком до самого борта. Но чья-то дрожащая от азарта рука не выдержала, дернув курок. За первым выстрелом последовало несколько других. Раненая медведица быстро повернулась, толкая мордой медвежонка назад, и, огрызаясь, мотнула в сторону ледокола головой. Затем, сраженная меткою пулей, она тихо стала на колени и медленно легла.

Полтора часа люди и собаки гнались, перепрыгивая по льдинам, за медвежонком, пытаясь взять его живьем. Но, спугнутый раньше, он теперь не подходил близко, бегая вокруг ледокола и заливаясь ревом.

Не желая терять времени, мы ушли вперед, оставив в ледяной пустыне осиротевшего медвежонка, который, выглядывая из-за тороса, долго ревел вслед ледоколу.

Ледяные поля, огромные белые степи, растилающиеся до горизонта, на которых мы теперь видим столько медведей, не дают продвигаться вперед. Разводьев все меньше и меньше, и

«Седову» теперь все труднее раскалывать тяжелые многолетние льды. Шмидт, Визе и Самойлович вместе с капитаном обсуждают на мостике вопрос о дальнейшем плавании. За вечерним чаем узнаем о решении повернуть назад, чтобы затем пойти на восток. Дующие все время восточные ветры разрешили льды и повидимому с восточной стороны проход к Земле Франца-Иосифа будет более доступен.

Капитан спокоен и уверен в успехе, но нам дело представляется значительное серьезнее. «Мы повернули обратно», вот факт, неоспоримый факт, и от него никуда не уйдешь. Об этом отступлении перед полярной стихией, как бы этого ни не хотелось, придется сообщить на землю в сегодняшних ночных радиogramмах.

В кают-компании перестали смеяться и шутить. Каждый из нас ложился спать с первыми тревожными мыслями. Неужели мы не пробьемся сквозь льды и должны будем возвратиться в Архангельск?

Однажды утром профессор Визе, улыбаясь, сообщил нам, что положение изменилось к лучшему, что мы уже идем в северо-восточном направлении. Льды, правда, и здесь тяжелые, но таких бескрайних ледяных полей, какие были на западе, здесь не встречается.

Все приободрились и повеселели. Владимир Иванович с улыбкой встречал всех на палубе.

— Теперь дойдем! Еще неделю, две, но дойдем.

«Седов» быстро продвигался вперед, желая наверстать потерянное на отступление время. Не помешали бы только ветры и следующее вместе с ним сжатие льдов!

Молодой штурман Ушаков весело кричал с мостика:

— Идем уже прямо на норд. 80 миль осталось!

Широта—79°. Мы быстро продвигаемся вперед, хотя кругом крупный торосистый лед. Где-то должна быть близко земля. Сидим над картами: по нашим приблизительным подсчетам до Кап-Флоры осталось не более 60 миль. Капитан круглые сутки не сходит с мостика, рассматривая горизонт и диктуя вахтенному штурману стратегические ходы, лавируя между льдами и выбирая удачный проход в разводьях, который не завел бы в тупик, а вывел бы к какой-нибудь новой щели, каналу или разводью.

Так шла кропотливая, но единственно возможная борьба—за каждый шаг, за каждый поворот винта, за продвижение хотя бы на один корпус корабля.

В эти полные неясности и волнений часы на палубу вбежал гидролог Лактионов. Волосы его развевались ветром, голубые глаза блестели.

— Температура воды повышается!—кричал он.

— Ну, раз температура воды повышается, значит, земля совсем близко!—донесся с вышки спокойный голос Визе.

А тов. Шмидт, засунув руки в карманы и подставляя свежему ветру свою пышную бороду, сказал:

— Ну, что ж, хорошо, очень хорошо!

Как будто так и должно было быть!

Ревизор (помощник капитана, ведающий хозяйством «Седова») уже получил приказание приготовить все необходимое для высадки на неведомый берег и для разгрузки корабля. Вылезли на палубу мало появлявшиеся до сих пор наверху плотники и стали не по-морскому, медлительно ворочать карбасы, готовясь к их починке.

V. Где молчат айзберги.

— Земля!

Эта радостная минута пришла внезапно. Впиваясь глазами в бинокль, сквозь снежную пелену я увидел черную полосу земли. Над ней сверкало снежное плато глетчера. Вскоре перед нами выросли многочисленные айзберги самой фантастической формы.

Ближе к берегу идти опасно, нет никаких мореходных карт Земли Франца-Иосифа, нам предстоит еще их составлять. «Седов» стал на якорь. Солнца нет, и капитан не может определить, где мы остановились. Во всяком случае мы находимся где-то у острова Белль. Как ни непривычен суровый ландшафт Арктики, которому хранящие молчание ледяной пустыни айзберги придают особую причудливость, но долгое любованье им утомляет, в особенности после тяжелого бодрствования в тенетах холодного молочного тумана. Хочется спать. Заваливаюсь на койку, не раздеваясь.

На следующее утро мы уже подходили к южному берегу острова Гукер. Мрачные, пустынные, покрытые глетчерами берега острова чернеют лишь у самой воды. Мы медленно движемся мимо них. Пока ледокол, расцвеченный радостью флагов, прорезает серую мглу, мы заняты подготовкой к первой нашей высадке. Кто думал, что уже через восемь дней мы достигнем земли, к которой всего 15 лет назад лейтенант Георгий Седов добирался целых два года!

Отто Юльевич приказал извлечь из трюма железный флаг, который мы водрузим сейчас на земле.

Гирлянды пестрых флагов медленно полощутся на мачтах. На палубе суетятся люди, заряжая винтовки и фотоаппараты.

Вот, кажется, удобная для высадки бухта. Ощупью, с выпущенным якорем, пробирается «Седов» к берегу среди айсбергов. В миле от берега останавливаемся.

Сквозь туман чернеет незнакомое море. Спускаются шлюпки. В каждой них, кроме патронов и продовольствия, сирена и ракеты. Может, все это пригодится на обратном пути к быстро скрывающемуся от нас за стеной тумана «Седову».

Совсем уж близок берег. Ясно видны валуны, камни, щедро рассыпанные по берегу.

Терпению приходит конец, выскакиваю на землю. Подошвы неношенных еще болотных сапог звучно крикнули о базальт. Камни, камни, камни, ничего, кроме каменных базальтовых глыб. Изумление вызывают дикая красота и величие опускающихся к океану скал, отвесных у вершины и отлогих внизу. Источенные вечными ветрами, эти каменные громады стоят еще прямо, но видно, что они уже одряхлели в борьбе со временем. Они позволили ему изрешетить себя трещинами и отдали ему куски своего железного тела, падающие в океан с грохотом, пугающим плавающих у берега черных гусей.

Пока стоишь с заломленной вверх головой, очарованный необычайной картиной, которую создают скалы и свисающие между ними голубоватые ломти глетчеров, вдруг доносится откуда-то журчание родника. Глаза еще прикованы к верхушкам скал неожиданно обнажившимся от тумана порывом налетевшего ветра (ветры приходят и уходят здесь молниеносно), но в это время кажется, что тут проросла густая трава, в которой бьет студеный ключ. Но нет ни травки, ни ручейка. Голые, нагроможденные в хаосе камни. Одни только камни! А журчание ручья слышится попрежнему. Но где же он? Неужели галлюцинация? Оказывается, что ручей под землей, то-есть под этими каменными россыпями. Таких ручьев здесь много: полярное лето в разгаре, скупое солнце плавит понемногу верхушки глетчеров, обливая скалы талой водой, стекающей вниз, в соленые воды Ледовитого океана. Идем дальше. Со скал слышится жалобный плач. Это птицы. Они взлетают, испуганные нами, с гнезд, и готовы яростно защищать своих птенцов. Они низко летают над людьми, ударяя их крыльями.

Мы медленно несем в гору железное знамя Советского Союза, тяжело прокладывая по скользкому базальту первую тропу. Приходится отбиваться от птиц и ступать осторожно, растирая ногами яркие и сочные мхи. Мы проходим мимо гнезд с оперившимися птенцами, которые скоро уже поплывут меж береговыми льдами, радуясь короткому лету Арктики.

Туман вдруг густеет. Идем в полутьме, гулко стуча по базальту, неся на плечах тяжелый флаг. Если по всей необъятной советской стране, трепыхаясь в жарких лучах солнца, гордо развеваются алые знамена, то здесь красное знамя будет медленно и тяжело вертеться, поскрипывая на железных петлях. Не будет согревать его жаркое солнце, долгие полярные ночи будут гнать на него жгуче-морозные ураганы. Но советские люди, роющие в вечной мерзлоте яму для этого флага, знают, что, алея в несмелых и обманчивых лучах северного сияния, железный флаг этот будет стоять долго и прочно.

Яростные круги птиц над нашими головами напрасны. Мы стреляем только в воздух, отдавая грохот торжественного салюта скалам, принявшим к себе гордо возвышающийся на ледниковой морене алый флаг. Люди снимают шапки и кричат «ура» не для того, чтобы пугать полярных птиц. Нет, они отвечают несущимся из тумана протяжным и хриплым от радости гудкам ледокола.

Налетевший с американских берегов шторм чуть было не помешал нам установить флаг. Мы быстро спустились вниз, спеша на корабль. Охваченные энтузиазмом, мы торопливо гребли, пробираясь между голубыми айзбергами. Застывшие в тумане, они неохотно пропускали никогда невиданных людей, маленьких, смелых, быстро идущих на своих лодчонках под низкими голубыми сводами ледяных пещер.

Возбужденные, поднялись мы по шторм-трапу на палубу.

Этот день был на «Седове» настоящим праздником.

Мы выходили группами на спардек и, обнявшись, долго смотрели назад, на оставшийся флаг Советского Союза. Сквозь облако тумана мы видели его неясный силуэт на морене. Мы были довольны первой победой. В то время мы еще не думали о тех тревогах, опасных приключениях и тяжелом труде, которые ждали нас впереди.

Держа путь на восток, мы скоро увидели остров Ньютон. На этом острове, виденном с корабля в 1880 году шотландцем Лей Смитом, никогда не ступала нога человека. Мы решили обследовать его. «Седов» стал на якорь.

Ожесточенным трудом мы вытащили шлюпку на крутой берег. Разбившись на несколько групп, идем вперед.

На низком берегу, покрытом пористой, будто недавно застывшей лавой, увидели мы базальтовую скалу с высеченными на ней двумя башнями. Нам чудились уже неведомые люди, жившие в этом нормандском замке в средние века. Но, поднявшись наверх, мы нашли все те же базальты, изрешетенные

веками. У одной из башен проф. Р. Л. Самойлович нашел свежие следы медведя, у воображаемой бойницы наступил я сапогом на череп песка.

...аллея в несмелых и обманчивых лучах северного сияния, железный флаг этот будет стоять долго и прочно.

Дальше перед нами открылось несколько маленьких озер. Три гаги,—самец, самка и детеныш,—с храбрым любопытством рассматривали нас, вытянув свои короткие шеи. На каждом шагу нам попадались гагачьи гнезда. Мы жали в руках прославленный своей нежностью гагачий пух. В каждом гнезде было по три больших зеленых яйца. Пока мы бесцеремонно рассматривали одно из гнезд, спуганная нами наседка побрякивала в ближайшем сугробе и совершала свой туалет, с приятностью барахтаясь в снегу. Как только мы отошли от гнезда, она возвратилась к своим невеселым материнским обязанностям.

На каменистых берегах, открытых морским ветрам, встречали мы еще гнезда чайки. Чайки бесстрашно били людей и собак крыльями, прогоняя от птенцов.

Остров Ньютон веками поднимался из океана. На самой вершине его мы нашли окаменелые деревья, «плавник», занесенный течением из Сибири, там же я нашел полуистлевший позвонок

кита. Результаты нашей топографической съемки острова резко разошлись с картой. Нанесенный на карты приблизительно, остров Ньютон в действительности совсем не тот. Он не кругл, а вытянут с северо-запада на восток, берега его сильно изрезаны мелкими заливами. Профессор Р. Л. Самойлович нашел здесь коричневатый уголь. Этот уголь низкого качества, но найденный в тех же отложениях, что и шпицбергенский, давал нам надежду на открытие ценного угля.

Усталые от ходьбы по базальтовым глыбам к утру возвратились мы на «Седова». На прощание вновь всматриваемся в остров Ньютон: много айзбергов, сидящих на мели, окружают его берега, а с севера его охватывают бескрайние объятия ледяных полей. Суровое ожерелье!

Я даю несколько выстрелов, пытаюсь хоть на миг разбудить эту скованную льдом природу, до нас не выдавшую человека. Но немые голубые айзберги, а далеко убегающее эхо выстрелов тревожит лишь и без того обеспокоенную нами стаю белых чаек.

С грохотом работает паровая лебедка, вытаскивая якорь с прозрачного каменистого дна. «Седов» уходит дальше, к другим островам этого пустынного и ледяного края. Мы медленно идем вдоль южной части архипелага, выбирая место для постройки самой северной в мире радиостанции.

На «Седове» в эти дни царит праздничное настроение: на спардеке под гитару пляшут кочегары, в кают-компании гремит граммофон, и даже наш «дедушка», первый механик Шиповаленков, тянет на гармонике что-то веселое. Капитан впервые спокойно заснул на своем диване. Все отдыхали от тяжелых и томительных дней борьбы со льдами.

Мы шли к острову Нордсбрук, покрытому сплошным глетчером, держа курс на Кап-Флору—южный, наиболее посещаемый экспедициями мыс Земли Франца-Иосифа. Там предстояло нам вместо флага Российской империи, установленного адмиралом Макаровым в 1901 году, водрузить флаг Советского Союза.

Но чем дальше мы продвигались на запад, тем плотнее становились льды. С трудом «Седов» форсировал тяжелые льдины. Миновав мыс Баренца, он остановился, обессиленный в борьбе. Вдали, из тумана, вырос квадратный черный мыс Флоры. Мы решили выслать пешеходную группу к берегу. Группа наших товарищей направились к нему, таща на себе шлюпку, железный флаг, винтовки и продовольствие. Измученные добрались они до берега, с трудом вытащили на высокий ледяной припай шлюпки и пошли к земле. Но береговой припай имел широкую

трещину. Пробраться на примерзшую к берегу льдину, перепрыгнуть по ту сторону трещины не было никакой возможности. Тогда наши товарищи соорудили мост из железного флага, по древку которого, сидя верхом над черной пучиной моря, переползли они все по очереди. На берегу их встретил сонный, ленивый морж и бродивший среди камней старик-медведь. Морж был убит, а медведь убежал, раненый в спину.

Группа наших товарищей направилась к Кап-Флоре, таща на себе шлюпку, железный флаг и продовольствие.

31 июля в 15 часов был водружен советский флаг на Кап-Флоре.

На мысе наша группа нашла полуразвалившуюся хижину зимовавшей здесь в 1904 году американской экспедиции Фиала, итальянский памятник и столб лейтенанта Седова.

Сделанная из бамбуковых палок и ящиков, с простенками, забитыми ягелем, эта хижина производила жалкое впечатление. Здесь в куче снега лежали ржавые банки испорченных английских консервов. На болотистом берегу, среди разбросанных ящиков и собачьей упряжи, найден был вскрытый ящик сгнившего чая, рассыпанные зерна кофе, заплесневевшие галеты.

Провианта и одежды, оставленных здесь русским судном «Герта», вовсе не оказалось.

С тяжелым чувством возвращались наши товарищи на корабль. Кап¹-Флора! Во всем мире, на всех картах, этот мыс значится как международная продовольственная база для терпящих бедствие. Но в действительности гибнущие во льдах не найдут здесь никакой помощи. Добравшись до Кап-Флоры и испробовав сгнившие консервы и сухари, они, вероятно, лишь ускорят свою гибель...

Сломанная дверь американской хижины, новая свежесколоченная маленькая хижина, унесенные кем-то продукты и обмундирование, хаос разгрома, обнаруженный здесь, свидетельствуют о разграблении этой международной спасательной базы какими-то мародерами-промышленниками.

В гранитном памятнике, воздвигнутом на Кап-Флоре в честь погибших на пути к полюсу трех членов итальянской экспедиции герцога Абрुццкого — Кверини, Стоккена и Ольера, в железном пенале для почты, нашли мы полуистлевшие письма всех бывавших здесь за четверть века экспедиций. Наиболее ветхие из них мы боялись даже развернуть. Рядом со старыми, полуистлевшими записками, выделялись своей белизной визитные карточки американских туристов, направлявшихся сюда на специально зафрахтованных норвежских зверобоях. Последняя карточка, 1928 года, принадлежит мисс Бойд, которая на паруснике «Хобби» участвовала в розысках дирижабля «Италия».

Советская экспедиция оставила в этом полярном почтамте и свое письмо.

«Всегда чтим героев Арктики», — говорится в нем.

VI. В бухте Тихой.

Покинув южный берег острова Нордбрук, «Седов» двинулся на север. Мы направлялись к западной части острова Гукер, к бухте Тихой, где 15 лет назад зимовала экспедиция лейтенанта Георгия Седова. Вот в кают-компании сидит участник этой экспедиции проф. Визе, который рассказывает нам историю мытарств и злоключений этой трагической экспедиции. Лейтенант Георгий Седов был незаурядным человеком. Отважный мореплаватель и неутомимый полярный исследователь, он выдвинул перед тогдашним царским морским министерством

¹ «Кап» — по-английски — мыс.

вопрос о снаряжении экспедиции на северный полюс. Этот отважный моряк серьезно обосновал свой проект, но в морском министерстве с пренебрежением отнеслись к проекту моряка-не дворянина. Тогда Седов обратился к помощи буржуазной благотворительности и в 1912 г. отправился в путь на судне «Святой Фока» с запасом провианта и угля на два года. Георгий Седов предполагал достигнуть Земли Франца-Иосифа в первый же год плавания, перезимовать там и весной 1913 года выйти на собаках или на лыжах к полюсу. Но льды затерли «Св. Фоку» и заставили его зимовать у берегов Новой Земли. Вторую зимовку «Св. Фока» провел в бухте Тихой на острове Гукер, куда мы сейчас и направляемся.

Несмотря на неудачу, Седов не сдается. Вместе с матросами Линником и Пустошным выходит он 14 февраля 1914 г., уже с признаками цынги, к полюсу. Скоро он окончательно сваливается, его везут на нартах, но, даже теряя сознание, он не перестает торопить своих товарищей вперед. Приходя в себя, он судорожно схватывает бусоль, проверяя курс, не двигаются ли матросы на юг, вместо севера, обманным путем пытаясь доставить своего больного начальника обратно в бухту Тихую.

Но скоро последние силы Седова иссякли. Он умер на нартах среди льдов Британского канала с зажатым компасом в заочечневшей руке. Линник и Пустошный похоронили его на берегу Земли Рудольфа, на мысе Броррок, под глыбами базальта, поставив на могиле крест из его лыж. В августе того же года, после мытарств и страданий во льдах, Линник и Пустошный добрались до бухты Тихой, где на «Св. Фоке» их ждали остальные участники экспедиции, в том числе и Владимир Юльевич Визе, тогда еще студент.

Осиротевшие члены экспедиции стали обсуждать создавшееся положение. Надо было как можно быстрее двинуться на юг, ибо впереди—неминуемая голодная смерть. Но как это сделать, если на «Св. Фоке» из-за отсутствия угля давно уже застыли машины. Ни фунта угля. Наконец, решили бросить в топки все, что может гореть. Лишь бы разогреть котлы и двинуться! Там, южнее, на мысе Флоры, стоит поставленный еще в конце прошлого века английским путешественником Джексоном большой деревянный дом. Его можно будет разобрать на топливо...

Двинулись, сжигая сначала мебель, потом перегородки кают, наконец внутреннюю обшивку корабля. Джексоновского дома хватило ненадолго, но зато, зайдя на Кап-Флору, «Св. Фока» застал там человека. То был штурман Альбанов, спасшийся

с одним из матросов с унесенной к полюсу «Св. Анны», на которой находилась экспедиция Брусилова.

«Св. Фока» двигался дальше, сжигая паруса, внутренние переборки корабля, мачты. Все, что только могло гореть, пошло в топку. Тюлени, убиваемые в пути, бросались в топки вместо топлива.

Так добрался «Св. Фока» до чистой воды. Превращенный в пустую ветхую коробку, корабль плыл по воле волн. Ветры были северные, его гнало к югу.

У мурманских берегов к «Св. Фоке», несмотря на беспрерывные тревожные сигналы, не подходило ни одно проходящее судно. Изумлению изнемогающих в борьбе, валящихся с ног от усталости и недоедания людей не было границ. Все пароходы равнодушно пробегали мимо... Когда же ночью ярко освещенный огнями пассажирский пароход прошел мимо, не обращая никакого внимания на световые сигналы и ракеты «Св. Фоки», было дано несколько выстрелов с имевшейся на судне маленькой китобойной пушки. Но, увы, эти выстрелы дали обратный результат—ярко освещенный пароход, погасив все свои огни, быстро исчез в неизвестном направлении.

Всем недоумениям и догадкам обитателей того, что раньше называлось судном «Св. Фока», скоро пришел конец. Рыболовные поморские баркасы, заметив сигналы, подошли к судну и оказали ему помощь, взяв затем на буксир.

Усталые, изможденные участники трагической экспедиции рвались к материку, ища здесь отдыха и успокоения. Вместо того они нашли войну, пламя которой уже охватило тогда почти весь мир. Именно поэтому так быстро скрылся после выстрелов пушки пароход, именно поэтому кончался этот героический рейс в обстановке полного безразличия всего окружающего.

— Велико было тогда наше разочарование человеческой культурой!—говорил нам Владимир Юльевич Визе, держа меж двух дрожащих пальцев потухшую папиросу и заметно волнуясь.

Притихшие, покидали мы кают-компанию. Со спардека уже видно бухту Тихую. Сейчас она покрыта молодым заснеженным льдом, в глубине ее, далеко от ледокола, медленно идет медведь. Мы идем сейчас по проливу Де-Брюйне, по одну сторону которого высокие базальтовые скалы острова Скотт Кельти, а по другую—лапы огромного ледника, покрывающего весь остров Гукер и жадно тянущегося к морю. Прямо перед нами, за полем тонкого нилосового льда, гордо возвышается квадратная скала

зелено-черного цвета, названная в 1895 году Джексон «Рубини Рок», т.-е. скалой Рубини.

Против этой скалы—невысокий мыс, названный мысом Седова. Здесь стоял «Св. Фока» во время своей зимовки... На каменистом берегу видны два деревянных креста. Эти кресты,—первые следы человека, увиденные нами в Арктике, всех волнуют. Высокий поморский крест—астрономическая точка экспедиции Седова и маленький, покосившийся—на могиле умершего от цынги механика «Св. Фоки» Зандера.

«Седов» подходит к самому берегу.

Со спардека уже видно бухту Тихую.

По базальтовым глыбам взбираемся наверх, к крестам. Оба они, несмотря на 15-летний срок, хорошо сохранились, лишь слегка обглоданы медведями.

У края опускающегося глетчера Владимир Юльевич опережает нас и скоро скрывается за скалами. Вот мы видим его уже поднимающимся вверх по леднику. Молчаливый человек этот помолодел теперь на целых пятнадцать лет, отделяющих его от зимовки на «Св. Фоке»...

Он грузно садится на снег у самой вершины глетчера и долго сидит там, одиноко созерцая уже знакомые ему берега.

Начинается движение льдов. «Седов» должен выйти из бухты, якорь поднят, капитан дает требовательные гудки ехать к ле- доколу, но никто из нас не смеет крикнуть этому человеку, который там, на вершине глетчера, молча полулежит в снегу...

Здесь, у этих крестов, решено строить самую северную в мире обсерваторию и радиостанцию. Бухта удобна для выгрузки

Здесь, у этих крестов, решено строить самую северную в мире обсерваторию и радиостанцию.

И на завтра, возвратившись в бухту Тихую, седовцы начали лихорадочную работу по выгрузке трюмов. Короткое полярное лето близилось к концу, надо было спешить. Двадцать сплошных полярных дней под холодными лучами незаходящего солнца шла выгрузка емких трюмов нашего ледокола. Весь экипаж, в том числе все штурманы, механики, коки и даже один из радистов—все работали как грузчики.

Тяжела работа грузчика, но неизмеримо тяжелее изнурительный труд полярных грузчиков. На девственном берегу, забитом стоящими на мели айзбергами, седовцы не нашли, ра-

и защищена от ветров—недаром лейтенант Седов назвал ее Тихой,—но на берегу нет пресных озер, какие имеются в изобилии на Скотт Кельти. Поэтому, прежде чем приступить к разгрузке трюмов и к стройке, решено обследовать остров Скотт Кельти.

Начальнику нашей будущей станции метеорологу Илляшевичу остров понравился: пресной воды здесь достаточно, а берег открыт для ветров, дующих как с океана, так и с севера, с Британского канала, что очень удобно для научных наблюдений. Отдыхая после утомительного путешествия на гряде базальта и обсуждая этот вопрос, решили все же, что начинать выгрузку здесь, на открытом месте, очень опасно: ближайшим же напором льдов ледокол может быть выброшен на берег.

зумеется, никаких приспособлений для выгрузки. Мы привезли с собой из Архангельска два карабаса, в них лебедкой грузились из трюмов доски. Карабасы эти часто кренились, доски сползали в море вместе с нашими грузчиками, многим пришлось испробовать купанье в ледяной воде океана.

Но вот карабас уже нагружен, его нужно переправить к берегу. Только что искупавшиеся и усталые от перегрузки досок матросы должны садиться за тяжелые весла, а потом, на берегу переносить на плечах привезенный груз. Неудобную ношу надо тащить вверх, по скользкому, неровному камню.

Непосильный труд грозил свалить с ног измученную еще во время тяжелого плавания команду. Особенно тяжело пришлось кочегарам. Надо было придумать что-нибудь для облегчения работы, и старший штурман Юрий Константинович Хлебников своей изобретательностью значительно ускорил темп выгрузки. Строительные материалы не грузили более в карабасы—их переправляли к берегу в виде плотов. С помощью длинных канатов паровые лебедки «Седова» были приспособлены для работ на берегу.

Эта механизация дала отличные результаты. Уже через неделю на берегу возвышались груды строительных материалов, около них уже бродили наши плотники, готовясь к стройке. Кострами уже отогревалась для фундаментов вечная мерзлота земли.

Лихорадочная работа кипела круглые сутки—сплошным полярным днем. Через две недели на мысе против величественной скалы Рубини Рок начали расти остовы зданий поселка. Пришел разгар полярного лета, склоны скал оттаяли и почернели, ослепительный свет резал глаза. Опять веселее стало на нашем корабле. Кипела работа на берегу, в скалах гулко отдавались крики людей и стук топоров.

И вот в эти бодрые дни коварная Арктика принесла нам новое испытание. Подули нордовые ветры, тяжелые многолетние льды шли на нас с полюса, заполняя бухту Тихую и напирая на ледокол. Работы на берегу прекратились, машины были приготовлены к сопротивлению, но напор льдов оказался слишком стремительным и неожиданным: «Седов» как щепка был выброшен на скалистую мель...

Льды уже ушли из бухты, ветер давно стих, а «Седов» все попрежнему сидел на мели. Машины беспрерывно работали полным ходом назад, а айзберги, припиравшие нас к берегу, взрывались щедрыми порциями динамита, но все было тщетно. Мрачен был наш капитан, еще более молчаливыми стали наши

штурманы,—Хлебников, Падорин и Ушаков. Невеселая тишина царила в нашей кают-компании...

И лишь после 36-часовой упорной работы нашей команды, которая, устав на нагрузке, должна была теперь возиться с якорями, мы снялись с мели, благополучно перенеся труднейшее испытание. Радостными криками было встречено движение ледокола на воде, принявшей нас для дальнейших странствий.

Все предсказывало повторение ветров. Лишь в результате умелых действий капитана и отваги всей команды мы избежали аварий и выброски судна на берег. Рисковать больше нельзя, «Седов» удалился на середину бухты, чтобы в полной готовности встретить новый каприз полярной стихии.

Время шло, короткое полярное лето близилось к концу. Разгрузка должна была возобновиться. За милю от берега, прыгая по льдинам с мешками за плечами, разгружали наши славные архангельские моряки трюмы с углем, мукой и другими жизненными припасами. И когда кто-нибудь, споткнувшись, летел в воду, веселый смех раздавался на берегу, а пострадавшего спешил уже сменить другой товарищ.

Но напор льдов все усиливался. «Седов» должен был еще больше удалиться от места постройки вглубь бухты. По приказанию тов. Шмидта временно были прекращены научные и исследовательские работы, все члены экспедиции были брошены на стройку. Мы таскали кирпичи, укрепляли фундаменты домов, ускоряя и без того скорую стройку.

Лишь 13 августа бухта Тихая очистилась от льдов. Экспедиция, находившаяся под постоянной угрозой аварии судна, приступила к спокойной работе. Тяжело пришлось в те дни экипажу ледокола «Седов», но ни разу самоотверженная работа моряков не прекращалась, даже в самые опасные моменты ни разу не подымался вопрос о прекращении работ.

В эти тяжелые дни и на судне шла работа. Старик Шиповаленков с двумя кочегарами оставался в машине поддерживать пар на случай напора льдов, радист Гиршевич бессменно сидел в радиорубке, с трудом поддерживая связь с землей, с далеким, далеким теперь от нас человеческим миром, Владимир Иванович не сходил с мостика, часами вглядываясь в горизонт, разглядывая двигавшиеся льды—на ледоколе в эти дни шла обычная вахта...

В середине августа, когда на берегу уже вырастали остовы самого северного в мире человеческого поселка, начались обследования островов. С большой радостью отправились мы на шлюпке в экспедицию на остров Скотт Кельти. Нас было чет-

веро: зоолог Горбунов, гидробиолог Лактионов, доктор Белкин и я. Нам поручалось обследовать остров и изучить его пресные озера.

Нагрузив в шлюпку оружие, патроны и продовольствие, мы двинулись в путь через пролив Де-Брюйне. Дул свежий ветер, сильное течение требовало упорной работы веслами. Вытащив шлюпку на прибрежные камни, медленно поднимались мы вверх на каменистое плато острова. Из-под ног вылетали испуганные кайры, оставлявшие нам своих птенцов. Взобравшись на плато, мы увидели каменный вал, а за валом—большое озеро со стекавшими в него с ледника ручьями.

Берег был болотист, мы подходили к воде, прыгая по камешкам, с трудом брали сетками планктон¹ и пробы воды. Вода была студеная и пресная. Нам нужно было отыскать черных гусей; следы их часто встречались на нашем пути, но гусей не было. Вероятно, они уже улетели в море. Мы искали их много часов. Старый пес Юшар помогал нам, проваливаясь с нами в болото, но все поиски были безуспешны.

Мы продолжали путь, решив пересечь остров и дойти до Британского канала. Нам попадалось много свежих медвежьих следов. Медведи шли к озерам на водопой. С минуты на минуту мы ждали встречи с ними. Однако прошло несколько часов, прежде чем мы набрали на обитателя льдин: с обрыва, когда раскрылась перед нами блестящая на солнце ледяная ширь Британского канала, увидели мы в торосах желтое подвижное пятно. То был медведь, раздиравший лапой нерпу.

За Британским каналом, за медным блеском торосов, увидели мы острова архипелага. Белеющая, вся покрытая льдами глетчера Земля принца Георга сливалась с горизонтом, и трудно было различить снежный купол острова от белесых очертаний горизонта. Мы видели также остров Брюса с криво надетой шапкой сползавшего ледника, остров Нансена с шахматами черных мысов и весь черный от нагромождения скал остров Мабель.

Перед нами открывался величественный и суровый вид на новую советскую землю, на острова Земли Франца-Иосифа. Острова эти покрыты вечными льдами, природа их мертва, и даже медведи уходят на зиму из этих широт. Но именно здесь, в Арктике, вырастет советская научная станция, именно здесь, будут решаться вопросы погоды для всего Советского Союза и

¹ Планктоном называются микроскопически малые животные, не обладающие способностью самостоятельного передвижения.

для всей Европы. «Погода делается на севере»,—сказал проф. Визе. Отсюда, с Земли Франца-Иосифа, семеро храбрецов будут сообщать на материк свои наблюдения, уточняя предсказание погоды, имеющее неоценимое значение для нашего сельского хозяйства.

И велика была наша гордость, когда на следующий день с другого берега острова в бинокли мы могли наблюдать за работой на мысе Седова, где все выше и выше подымались бревенчатые стены трех зданий. Станция росла. Возникал во льду и снегах неустрашимый, боевой пост человечества и его передовой страны.

Во главе с Владимиром Ивановичем совершили мы спустя несколько дней пешеходную экскурсию по острову Гукеру, по его ледниковому покрову. Мы отправились на север мимо Долины молчания (названной так Визе 15 лет назад), пересекли весь остров и достигли мыса Альберта Маркгама. Здесь мы увидели всю восточную часть архипелага. Канал Смитсона и канал Самойловича в противоположность Британскому каналу были свободны от льда и вполне доступны для прохода судов. Пролив Аллен Юнг был забит мелким льдом. Мы осматривали в бинокли скалистый мыс острова Альжер, на котором должна находиться полузасыпанная снегом хижина американской экспедиции Теодора Циглера, зимовавшей там в 1901 году. Берега островов Кеттлиц и Нансена, которые мы всего лишь несколько дней тому назад наблюдали со Скотт Кельти, теперь почернели, оттаяв от летнего солнца Арктики.

Мне довелось также участвовать в топографической с'емке мыса Чурляйнис, а проф. Самойлович, географ Иванов и я были командированы для этой работы на шлюпке к леднику Юрий, названному так в честь сына полярного исследователя Пинегина—Юрия. По дороге мы попали в сжатие льдов и должны были тащить на себе шлюпку по льдинам. На мысе Чурляйниса мы соорудили из базальтовых глыб два Гурия, поморских памятных знака, на самой вершине скалистого утеса и в одном из этих знаков оставили письмо.

Топографическая с'емка наша охватила район от бухты Тихой, через мыс Чурляйнис, скалу Рубини Рок, ледник Юрий до мыса Медвежьего. Второй день нашей работы был омрачен ветрами, которые дули с ледникового плато. Температура понизилась на шесть градусов в течение двух минут. Мы вышли в горы при нуле, без верхней одежды, в одних свитрах и сапогах и быстро спускались теперь вниз к нашей палатке, раскинутой у подножья Рубини Рок. Мы почти бежали, спасаясь

от снежного самума, но проф. Р. Л. Самойлович не переставал торопить нас—каждая лишняя секунда могла принести нам гибель.

Продрогшие до костей, устраивались мы на ночлег в палатке. Географ Иванов, завхоз экспедиции, вытаскивал из груды камней спирт и шоколад, я сгребал в наш чайник скупое раскиданный по базальту снег, проф. Самойлович уже пыхтел над складным примусом... Нам не была теперь страшна пурга. Мы согрелись, поели, залезли в свои собачьи спальные мешки и сладко уснули под гул птичьего базара...

На утро, несмотря на метель, мы решили пробираться к ле-доколу. На обратном пути мы шли между танцовавшими льдинами; разбитую льдинами шлюпку заливало водой, мы еле добрались к кораблю.

Через день «Седов» вышел в исследовательский рейс. Мы шли в пролив Юнга с целью изучения глубины и флоры и фауны морского дна. Мы сделали там три остановки—научные станции: первую у мыса Левис Пуль, вторую в середине пролива Юнга и третью вблизи острова Нансена. Глубина пролива была небольшой, около 300 метров, но на дне Горбунов обнаружил траллами очень богатую флору и фауну, наблюдающуюся только на огромных океанских глубинах.

Проф. Самойлович и географ Иванов высаживались на острове Нансена. До нас на этом острове не было человека. Южный берег острова изрезан бухтами, на середине и по краям которых выступают из-под снега квадратные мысы. Эта линия мысов, расположенных в шахматном порядке, придает острову Нансена суровые геометрические формы. На острове мы не нашли ничего интересного, берег оказался очень болотистым и покрытым пестрыми красивыми мхами.

Возвращаясь обратно в бухту Тихую, «Седов» столкнулся с принесенными с севера непроходимыми льдами. Освобожденный от груза наш «Седов» теперь плохо колот многолетние льды. Лишь после упорного десятичасового наступления «Седов» вышел в разреженные льды. Дальнейшее плавание на облегченном судне не сулит ничего хорошего. Видно, придется нам загрузить опустевшие трюмы льдом.

На дрейфующих с севера ледяных полях мы встречали много медведей. Стреляли мы по очереди, лишь после зас'емки зверя для кино. Шмидт убил в этот рейс медведицу, два медвежонка которой, попозировав для кино, убежали.

Возвращаясь, еще в проливе Де-Брюйне, за двадцать километров, увидели мы на мысе Седова свежестроенные бревенчатые постройки поселка, к которому мы подошли, приветствуя его долгими гудками. Радостным лаем отвечали нам собаки, уже переведенные на берег, на постоянное жительство.

Через два дня мы вышли во второй исследовательский рейс, в пролив Мелениуса. 20 августа «Седов» возвратился из этого рейса к мысу Седова.

Наш второй рейс был богат происшествиями. Сделав первую научную станцию, получив пробы и температуры воды разных горизонтов вблизи южного берега Скотт Кельти, высадив на остров для геологических сборов проф. Самойловича, географа Иванова и служителя лаборатории Баклана, «Седов» направился к грандиозному леднику Юрий, язык которого распластался по всей бухте между Рубини Рок и мысом Медвежьим.

Торосы фантастической формы, на которых желтели блики незаходящего солнца, мертвая тишина, угрюмо нависшие скалы— весь этот ландшафт, окружающий ледник, придает ему какую-то сказочность, нереальность. Я стоял на мостике и с непередаваемым изумлением следил за тем, как «Седов» малым ходом, расталкивая льдины, приближался к отвесной матовой стене спускающегося в море ледника. Вертикальные нагромождения высотой с многоэтажный дом образовывали в середине стены глубокий грот, скупо освещавшийся отражением солнца на ледяных стенах. В хаосе ледяных громад, образующих потолок грота, нам виднелись ледяные сталактиты, издававшие фосфорический блеск. Дальше идти было опасно—нас каждую минуту могли раздавить как орех с гулом откалывавшиеся айзберги. Но когда Владимир Иванович узнал, что ученые хотят здесь провести первую в истории науки ледниковую гидробиологическую станцию, он решил идти ближе, почти к самой стене.

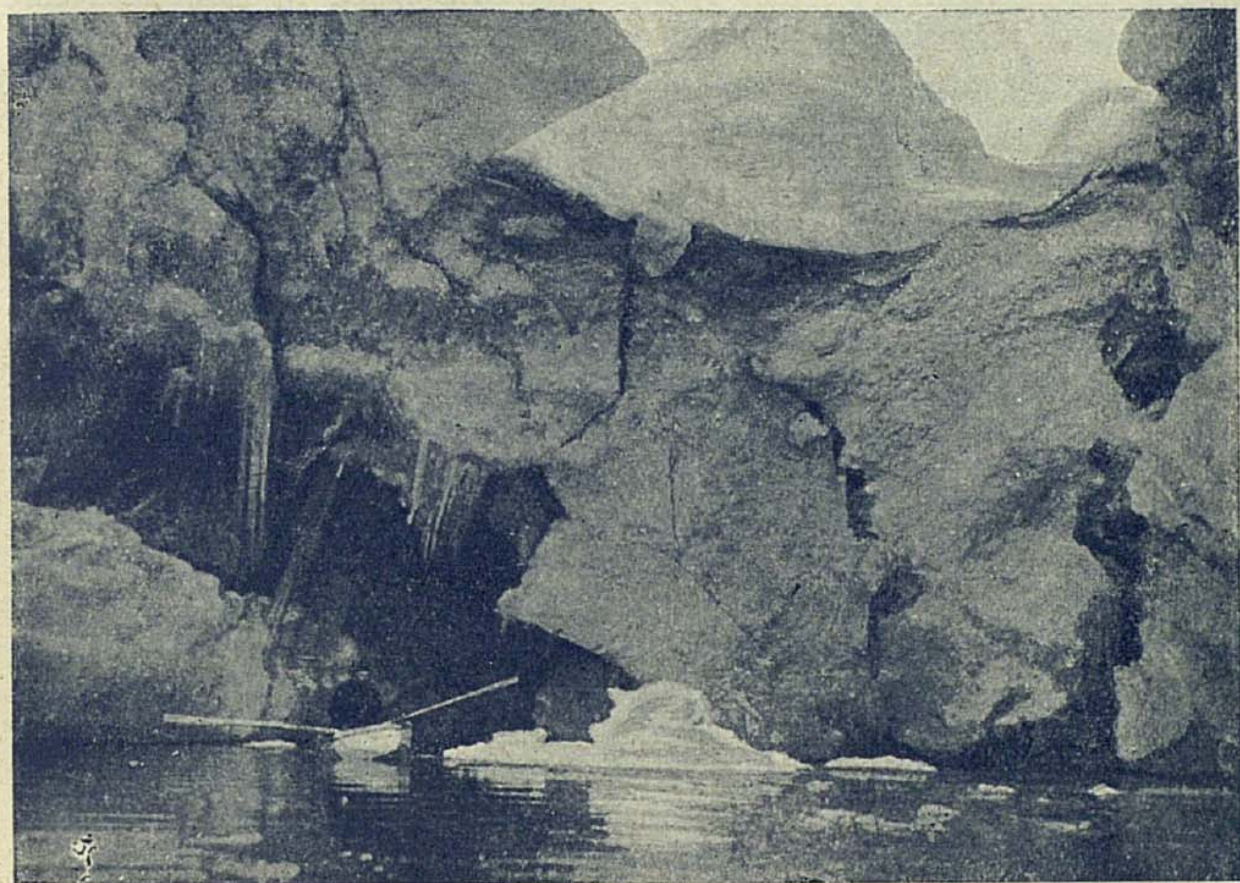
Осторожно, с опущенным якорем, ощупью продвигались мы вперед. «Седов» остановился в 30 метрах от открытого нами грота, приступив к разрешению важной научной задачи о влиянии ледников на животную жизнь моря, на состав и температуру морской воды. О. Ю. Шмидт на одноместной маленькой лодочке, нагруженной бутылками, поехал к самому гроту с целью проникнуть в него и набрать там пробы воды.

Скоро он скрылся в гроте.

Владимир Иванович, опасаясь ежеминутного обвала грота во время откола айзберга, приказал спустить судовую шлюпку и во главе десяти человек направился в ней к гроту. Едва мы

вошли под грандиозный портал грота, как неожиданным напором льда большая торосистая льдина заперла выход из грота, отрезав нас от «Седова».

С замиранием сердца ждали мы обвала грота от напора льдов. Секунды казались днями. Мы выскочили из шлюпки на маленькую льдину, но под тяжестью людей она стала тонуть. Еле успев вскочить обратно в шлюпку, отталкиваясь изо всей силы баграми, прорвались мы в случайную щель между двумя остроугольными нагромождениями торосов.

О. Ю. Шмидт на одноместной маленькой лодочке, нагруженной бутылками, поехал к самому гроту...

В это время из глубины грота показался тов. Шмидт. Сразу поняв, что случилось, он, с поспешностью лавируя между несущимися льдинами, проскочил на своей лодочке к нам, удалившись на несколько метров от грозящего обвалом грота.

Между тем, пока мы лихорадочно работали баграми, борясь со льдом, тем же напором льда несло на ледокол огромное торосистое поле. Напирая на ледокол, оно накренило его, и наш «Седов», беспомощно, в наклонном положении, несясь прямо на ледяную стену глетчера. Едва успев поднять обе шлюпки, «Седов»

начал пробиваться из этой ледяной западни. Секунды отсчитывались сердцем с непонятной медленностью и болью. Капитан наш, невозмутимый помор, был бледен, приказания давал он взволнованным голосом. На корабле царила тревожная, напряженная тишина.

В этом неравном бою с полярной стихией победителем вышел человек. Полным ходом бежал «Седов» в бухту Тихую, к советскому поселку, к тихой гавани. Создавшаяся обстановка не позволила даже зайти на остров Скотт Кельти, чтобы забрать высадившихся там товарищей. Не имея продовольствия, отрезанная напором огромных торосистых полей группа Самойловича оказалась там в тяжелом положении.

Появление их шлюпки на следующий день мы встретили с радостью. Изможденные от усталости, тащили они на себе тяжелую шлюпку по кочковатым и торосистым льдам, заполнившими теперь все проливы архипелага...

Семеро наших товарищей остающихся на зимовку, готовились уже к переезду из кают «Седова» в свой дом на берегу.

Они останутся здесь, на Земле Франца-Иосифа, ведя научные наблюдения и сообщая о них по радио на землю. Всем им, отравленным «полярным ядом» — неудержимым влечением к Арктике, придется прожить здесь долгую полярную ночь.

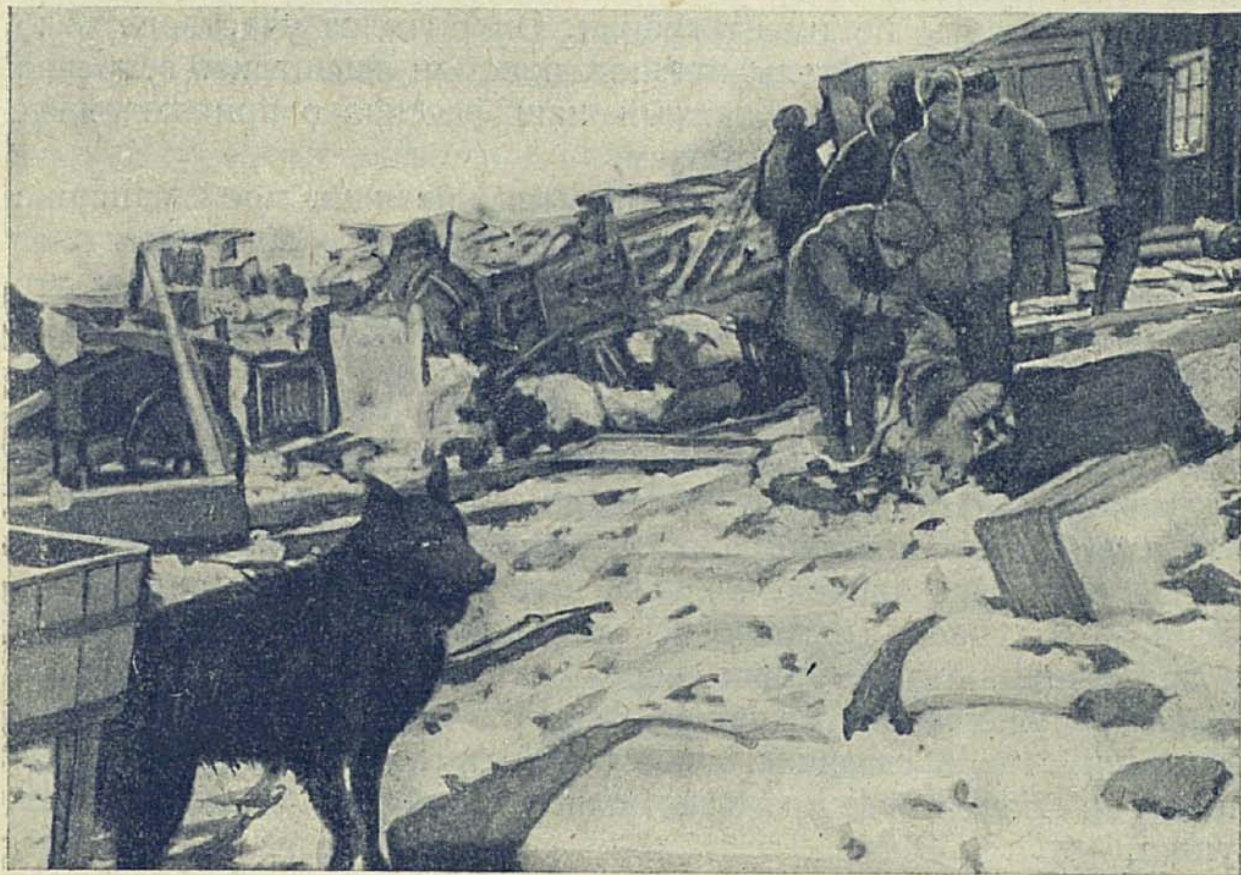
— Что влечет вас в Арктику? — спрашивал я у радиста Кренкеля, который уже третий раз ехал на полярную зимовку. Его широкоплечая фигура плотно приросла к мягкому кожаному дивану кают-компания; борода давно не брита, глаза блестят от слишком больших глотков коньяка. Услышав этот вопрос, он вздрогнул и произнес два слова:

— Полярный яд.

Эрнест Кренкель — москвич. Сын учителя гимназии. В 1920 году окончил радиокурсы, работал на московских станциях. Случайно попал в Ленинград, случайно записался в северную гидрографическую экспедицию — никто из ленинградских радистов не хотел ехать на гибель: паек состоял тогда из одной трески. Выжил, вернулся. Потянуло снова.

Когда сидишь на зимовке, нетерпеливо ждешь смены, а вернешься с зимовки, опять тянет в полярную ночь, в мглу, на борьбу с суровой природой севера... Если бы разрешили брать с собой семьи, не возвращались бы вовсе на землю. А так — приходится год работать, год отдыхать в кругу своих близких в Москве.

Я жил с Кренкелем и его механиком Муровым в одной каюте. Когда они спали—неизвестно. Все время они проводили за бесконечными разговорами в кают-компании. Шутили, веселились, под хриплые звуки патефона танцевали фокстроты. Музыка звучала у нас в кают-компании и в самые тяжелые моменты плавания. Нервы были напряжены до крайности, и люди старались забыться этой жалкой видимостью спокойствия.

Семеро наших товарищей, остающихся на зимовку, готовились уже к переезду из кают «Седова» в свой дом на берегу.

Кренкель как и все зимовщики полон жизни, радости, бодрости. Но больше всего в жизни он любит свое дело—радио. Как только подымается разговор о радио, Кренкель вмешивается и своими дельными, спокойными замечаниями обескураживает всех нас, не специалистов. Кренкель установил на Новой Земле, на радиостанции Маточкин шар, самую северную коротковолновую станцию. Он не думал, что два года спустя ему придется устанавливать такую же станцию гораздо севернее.

Механик Муров—человек пятнадцати профессий. Мятущаяся душа. Кавалерист, сценарист, спортсмен, механик, студент

Института истории искусств, рабочий-металлист, и прочая и прочая, вот кто такой Муров. За месяц до похода «Седова» он совершил пробег на шлюпке от Ленинграда до Баку. От Баку пешком прошел в Крым. Жадная, впечатлительная натура. Путешествует с 1913 года, был моряком, плавал в Европе, Северной Африке.

— Зачем вы поехали на зимовку?

— Потянуло на север. Захотелось изведать полярную ночь.

Его жадность не имеет границ. Он пытался участвовать во всех наших исследовательских поездках, он завистливо встречал каждую нашу находку, каждый наш рассказ о приключениях во время экскурсий по островам.

По ночам он совсем не спит, выстукивая на моей машинке бесчисленные, бесконечные письма на землю. Нам предстоит доставить на землю эти увесистые фолианты пылких писем.

Кренкель и пишет и говорит меньше Мурова. Но однажды, бессонной полярной ночью, он рассказал мне.

В Ленинграде есть радиолобительница Мелиарова, Маруся, единственная девушка-коротковолновик. Мы познакомились с ней по радио, на короткой волне, она сидела в своей комнатухе на Охте, я—в занесенном снегом домике на Новой Земле. Она заинтересовалась нашей жизнью, отверженной полярной полужизнью, мы часто встречались с ней в эфире, познакомились и задружили. Помню, как перед отъездом я ей выстукивал: «Таймыр» уже вошел в пролив, сейчас иду бриться и складывать чемоданы». — «До свиданья, счастливого пути», отвечала она мне. Потом в Ленинграде познакомились—хорошая оказалась девушка.

Но Мелиаровых мало. Зато есть много радиолобителей, которые не только не понимают всех тяготей полярной жизни, но даже не подозревают о существовании полярных радиостанций и смелых радистов, работающих там. Однажды Кренкель связался с радиолобителем-коротковолновиком.

— Откуда вы?

— Маточкин шар.

— А какая улица?..

Что было ответить полярному радисту? Он отстучал ключом: «Новая Земля, дом номер один»...

Петр Яковлевич Илляшевич, начальник поселения, тоже из отравленных Арктикой. Инженер-строитель по профессии, он случайно попал в голодные годы на север в качестве геофизика главной обсерватории. Пять лет работал там Илляшевич, два раза зимовал на Новой Земле, потом был помощником началь-

ника полярной обсерватории, заведывал научной частью береговых обсерваторий,—словом, уже не ушел с севера. Маленького роста, румяный, всегда с аккуратно закрученными усами, в галстук бантиком, свежесбритый, он так далек от общих представлений о людях Арктики.

— Север затягивает людей,—говорит он мне, тяжело вздыхая.—Зимовка во льдах, при обманчивом свете северного сияния, в одиночестве—мучительна. Но главное не в физических лишениях, а в окружающих тебя товарищах. Разные характеры, разные житейские запросы и требования—все это ведет к недоразумениям и даже ссорам. И нужно иметь большой опыт, чтобы во время вмешаться, иначе дойдет до драки: человек дичает здесь быстро. В Арктике не существует никаких законов. Часто культурный облик человека настолько теряется, что приходится бояться за его жизнь, за психику.

Однообразие жизни, пищи—все это гасит энергию, которая необходима для борьбы. Как закаляется человек на зимовке? Бодрость духа—вот что может спасти от гибели. Отсутствие солнца вызывает сонливость. Спать, спать, спать. А это очень вредно, больше восьми часов нельзя спать, заболеешь цынгой. Боли в пояснице, синяки на ногах, язвы на деснах,—вот первые симптомы цынги, которую здесь, на севере, излечить почти невозможно—75% заболевших погибает.

Да, веселого мало на зимовке... Надó побольше двигаться. Прогулки обязательны. Но погода здесь так быстро меняется. Бывало, выходя на прогулку, люди гибли. На всякий случай, выходя гулять, надо брать с собой продовольствие и теплую одежду.

А на Земле Франца-Иосифа еще хуже, чем на Новой Земле. Морозы будут здесь доходить до 50 градусов!

Ко мне часто заходит в каюту Георгий Шашковский, высокий и стройный красавец, метеоролог нашей будущей обсерватории на мысе Седова. Он уже зимовал в Арктике, на Маточкином шаре. На Земле Франца-Иосифа Шашковский будет вести ежедневные метеорологические наблюдения, он будет измерять температуру и влажность воздуха, силу и направление ветров, определять облачность. В 1930 году Шашковский своими наблюдениями будет помогать перелету на полюс дирижабля Нансена.

Шашковский так же, как и все остальные, говорит, что самое трудное на зимовке—не работа, а взаимоотношения между людьми. Из-за каждой мелочи возникают недоразумения.

Самое неприятное—ссоры. Особенно к концу зимовки...

— Но можно ведь слушать радио, концерты, доклады? Есть ведь прекрасное средство связи со всем миром!

— Нет, наоборот. Люди настолько уходят в свою полную борьбы тяжелую полярную жизнь, что то, что делается там, на далекой земле, им мало интересно. На Новой Земле забредавшим к нам промышленникам мы прежде всего предлагали послушать радио. Мы им говорили: вот радио, музыка, новости. Слушайте же.

Но промышленники отвечали:

— Ладно, чего там слушать... Войны нет, и ладно!

Самая большая радость на зимовке—собаки. Шашковский загорается радостью, когда говорит о них:

— Среди полярников ходит пословица: «Чем больше я знаю людей, тем больше люблю я собак». Бывает, что люди, с которыми тебе нужно провести полярный год, оказываются не людьми подвига, пришедшими сюда для тяжелого труда во имя науки, а случайными, негодными людьми, авантюристами. Тогда жить тяжело, и собака становится лучшим другом человека. Он возится со щенятами как мать со своими детьми, откармливает их на убой.

Полярные лайки очень преданы человеку, часто спасают ему жизнь и вполне заслуживают этого внимания.

VII. Мировой рекорд.

21 августа «Седов» вышел в длительный исследовательский рейс на север. У нас уже был тяжелый и мучительный опыт исследовательских рейсов внутри архипелага, мы уж бывали затерты льдами, возвращались в бухту Тихую вместо двух часов,—трое суток, мы уже попадали в ледяную ловушку у ледника Юрий, но, несмотря на все это, решено было идти дальше, на север. Итальянская экспедиция Альбертини, которая бесплодно пыталась пройти на судне «Хаймен» к архипелагу, просила нас по радио организовать розыск остатков экипажа «Италии» на севере Земли Франца-Иосифа. Мы решились выйти на север, пройти как можно дальше, делая научные изыскания и попутно разыскивая итальянцев.

Нашим зимовщикам мы оставили для связи маленькую радиостанцию и попрощались с ними на всякий случай до будущего лета. Мы шли туда, где на пути к полюсу похоронен Георгий Седов.

21 августа мы вышли из бухты Тихой на север. Полярное лето близилось к концу. Улетели птицы, смолк шум птичьих базаров, реже стал слышен гул рождающихся айзбергов.

Расставаясь с нашим поселком, свежий тес зданий которого виден был даже в Британском канале, «Седов» давал долгие, долгие прощальные гудки. С берега нам махали шапками люди, по камням прыгали собаки. На мысе Седова остались его первые обитатели...

«Седов» с большим трудом пробивался вперед, форсируя несшиеся с полюса вековые льды. Тяжелая борьба ледокола со льдами требовала упорства, но его было достаточно у капитана Воронина. Уже вторые сутки не сходил с мостика наш Владимир Иванович, молча шагая с биноклем в руках...

Так шли мы на север, медленно пробиваясь во льдах мимо островов Нансена, Луиджи, Чемп и Сальсбюри. Мертвая тишина, незаходящее медное солнце, угрюмые скалы геометрической формы,—все это напоминало читанное в детстве описание луны в фантастических романах. Каким контрастом рядом с этой мертвой ледяной природой казалась наша уютная кают-компания с звуками патефона и громким человеческим смехом. Ни на одном из островов за все время пешеходных вылазок и исследований мы не видели земли. Только камни, голые камни, без всякой растительности. Но радовали даже эти черные пятна скал, так как есть острова, сплошь залитые белой лавой ледников, без единого черного пятнышка.

Удивлению нашему не было границ, когда мы убедились, что чем ближе мы подвигаемся к полюсу, тем разреженнее и слабее становятся льды. Наши лаборатории лихорадочно заработали, изучая температуру и пробы воды. И вечером проф. Визе заявил нам о важнейшем научном открытии: мы обнаружили новую ветвь Гольфштрема. Огибая Землю Франца-Иосифа с севера, она омывает море королевы Виктории, море, в котором до нас никто не плавал.

Мы быстро продвигались вперед.

В те дни мы спали, не раздеваясь, каждые полчаса с биноклями выбегая на палубу. Никогда не забыть минуты, когда вахтенный матрос Третьяков, разбудив нас, меланхоличным, усталым голосом сказал:

— Вставайте, побит мировой рекорд полярного плавания.

Рекорд полярного плавания, установленный в 1899 г. герцогом Абруцким, $82^{\circ} 4'$ северной широты, уже перешагнут—мы сейчас находимся на широте $82^{\circ} 14'$.

Идем к восьмьдесят третьей параллели!

Разреженные льды, огромные приземистые айзберги, дрейфующие из Гренландии. Исчезли медведи и полярные чайки, самые крайние обитатели льдов. Тишина...

На капитанском мостике тоже молчат. Плотно сжаты побледневшие губы Визе, немного сутулится, замечтавшись, Шмидт, нервно похаживает по мостику Самойлович. А капитан в своем огромном тулупе навалился в карточной рубке на карту, нерешительно поглядывая на нее. Нерешительность продолжалась не более полсекунды: больше нехватает карты, значит, проведем курс по белому верхнему полю. «Седов» вышел уже из тех мест, которые хоть приблизительно нанесены на карту, и пробивает себе путь по девственной полярной пустыне, молчаливой и безразличной к нашей дерзости...

В этот день на «Седове» не смеялись, мало ели и почти не разговаривали.

У Земли Рудольфа, самого северного острова Земли Франца-Иосифа, мы снова вошли в тяжелые, непроходимые льды. Мы идем морем королевы Виктории, морем, в котором до нас никто не плавал. Скоро «Седов» вынужден был повернуть назад.

Мы держали теперь курс на Тепплиц-Бей, на Кап-Броррок, где покоится прах Седова, где склады бедствовавших здесь 30 лет назад итальянской и американской экспедиций.

Приблизившись к Земле Рудольфа, «Седов» в знак траура припустил флаг. Мы подошли к мысу Броррок, где спутники лейтенанта Седова, матросы Линник и Пустошный, похоронили скончавшегося на пути к полюсу начальника. По рассказам матросов Георгий Седов скончался между Кап-Броррок и островом Гогенлоэ. Ледокол наш лег в дрейф как раз в этом проливе, в нескольких милях от берега. Ничто не напоминало здесь о трагедии: пролив был теперь чист ото льда, любопытные нерпы бесстрашно вставали у самого борта, разглядывая невиданный корабль.

Здесь высадили мы на шлюпке людей для поисков могилы и для водружения на ней мемориальной доски. Мыс Броррок очень суров, отрывисто спускается к морю, значительно менее обнажен от льда и мрачнее южных островов архипелага. Мыс покрыт огромным ледником, жадно тянущимся к морю и окруженным двумя скалистыми утесами. Георгий Седов погиб в марте, когда матросы могли лишь слегка забросать могилу камнями, с трудом отрывавшимися от мерзлой почвы. Прах Седова был похоронен на леднике.

Крутой берег еле позволил высадиться. Людей на берегу встретил несмолкаемый грохот обваливающихся в море камен-

ных глыб. Разбившись на несколько групп, мы обследовали всю береговую линию, но не нашли ни признаков могилы, ни лыж, поставленных у нее в виде креста. Беспрестанные обвалы глыб, мощные потоки тающего глетчера снесли повидимому в своем стремительном движении прах в море, если он даже был здесь оставлен. Возможно также, что медведи разрыли тонкий каменный покров могилы и унесли труп.

После безуспешных поисков у одного из ручьев, стекающих с ледникового покрова, установили мы мемориальную доску на русском и английском языках.

Через три часа после высадки вернулись члены экспедиции на ледокол. «Седов» взял курс на бухту Тепплиц-Бей, где находятся продовольственные склады и строения, остатки зимовавших здесь: в 1899 г. экспедиции герцога Абруццкого и в 1903—05 гг. американской экспедиции Фиала, снаряженной миллионером Циглером. Американская экспедиция потеряла здесь в бухте свое судно «Америка», которое затонуло от напора льдов, и бедствовала здесь два года, прежде чем ей удалось добраться до мыса Флоры, где ее подобрало специально высланное из Америки спасательное судно.

Итальянская экспедиция герцога Абруццкого потеряла здесь шедших Кверини, Стоккена и Ольера.

После этих экспедиций никто не бывал здесь. Лишь в прошлом году злополучный дирижабль «Италия», пролетая над бухтой на север, сбросил флаг.

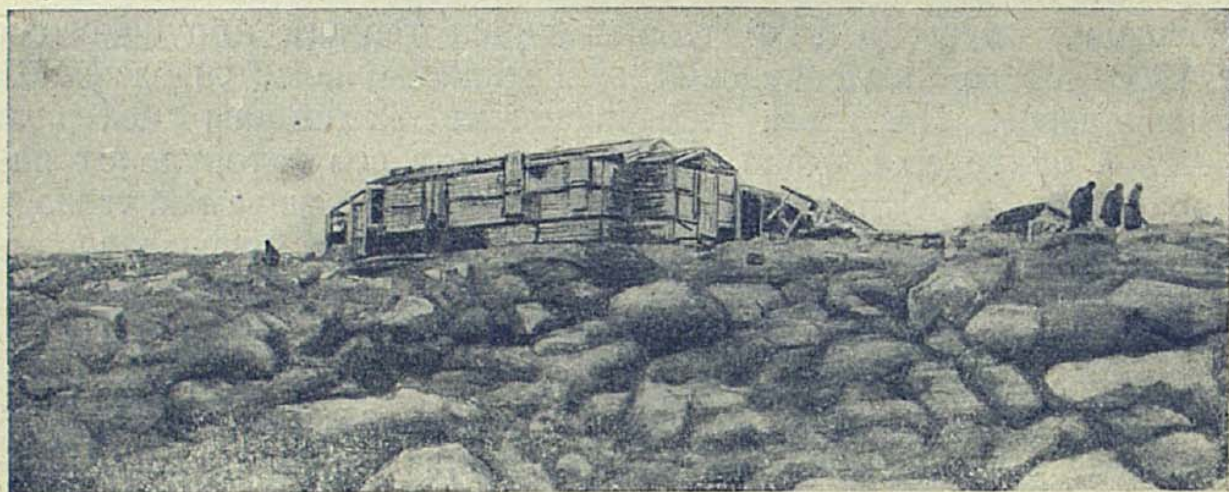
Утром 25 августа, после двухдневного дрейфа в объятиях шторма, «Седову» удалось подойти к Тепплиц-бею. Берег был забит льдом; пробираясь к земле, мы оставили наши шлюпки на льдинах между ледоколом и берегом, прыгая со льдины на льдину по взятым с собою досками. Это был опасный спорт,—льдины, не выдерживая людей, погружались в воду,—но мы спешили.

Нам надо было скорее возвращаться на ледокол: мог подуть ветер, тогда льды унесет от берега вместе с нашими шлюпками, а «Седов» под напором льдов и айсбергов также должен будет уйти, оставив нас на неопределенное время на берегу.

Мы были так увлечены этой мучительной эквилибристикой, что не заметили нетерпеливо ждавшего нас на берегу медведя. Два других бродили по берегу среди остатков лагеря. Убив самого любопытного из них, мы пошли к берегу. Здесь на базах лежали проржавленные, опустевшие керосиновые бочки, четыре разошедшихся норвежских шлюпки, куча угля и какие-то ржавые механизмы—машина для добывания водорода, как мы узнали потом.

Еще выше мы увидели голый остов склада американской экспедиции—парусиновые стены за четверть века жгучих полярных ночей истлели. Хранящиеся в складе ткани и одежда сгнили; упряжь, нарты и другие вещи оказались в порядке. Среди беспорядочной груды ящиков с американскими, датскими и голландскими консервами около склада мы нашли ящики с аэростатами и взрывчатыми веществами.

Немного выше склада мы увидели хижину американской экспедиции, описанную в книге Фиала. Этот досчатый домик сохранился, но внутри—мы проникли в него с потолка—он оказался забит ледяной горой спрессовавшегося за четверть полярного века снега. Внутренняя обстановка дома сохрани-

Немного выше склада мы увидели хижину американской экспедиции...

лась, она была схожа с теми фотографиями, которые опубликованы в книге Фиала 25 лет назад. Стены были украшены портретами, часами, книжными полками. В комнате, где был очаг, из ледяной горы выглядывала стопка посуды. Личные вещи американцев,—чемоданы с одеждой и бельем почти не пострадали. На столе мы нашли лампу, рядом с ней спички, которые мы пробовали зажигать—они не отсырели.

В общем жизненные запасы, обнаруженные нами здесь, в отличие от мыса Флоры вполне достаточны для оказания помощи и даже зимовки целой группы лиц, терпящих бедствие. Штабель американских консервов Армора, который мы здесь обнаружили, оказался, например, в хорошем состоянии—консервы вполне пригодны к употреблению в пищу. Александрины или Амундсен, попав сюда со своими спутниками, спокойно смогли бы здесь прозимовать, и затем весной добраться до Кап-Флоры, а может быть, и еще южнее.

Но единственные обитатели лагеря—три медведя. В желудке убитого нами мы нашли крошки чая, а зубы его были изломаны очевидно о железные коробки и банки. Лишь медведи бродили по этому брошенному людьми лагерю полярного мученичества.

Мы застали здесь все в том виде, как оно было покинуто терпевшими бедствие 30 лет назад—в таком же неприкосновенном виде все было нами оставлено. Мы спешили: мерная поступь полярной ночи уже грозила нам зимовкой во льдах, впервые скрывшееся за горизонтом солнце каждый вечер напоминало нам теперь о длинном, длинном пути, о тяжелой борьбе со льдами, предстоявшей нам. Мы не могли оставаться здесь, не могли затратить даже нескольких часов, чтобы привести все в порядок.

Лишь полуистлевший вымпел потонувшей «Америки», найденный нами, взяли мы с собой как реликвию.

Между складом и домом, на пригорке возвышается поставленный нами столб с мемориальной доской. На этой доске наши плотники вырезали слова: «In memoriam Querini, Stokken, Olier. Soviet Expedition 1929»¹.

Дружно кипела работа на «Седове». Чумазые кочегары, выбегая наверх, чтобы выбросить за борт ведро шлаку, улыбались нам, показывая свои белые зубы, штурман речитативом выкрикивал курс рулевому, капитан молчаливо шагал по мостику, с улыбкой наблюдая, как беспомощны мы, новички, в работе у лебедек.

— Берегитесь троса, ожгет!—весело гаркал он нам, неуклюже ворочавшимся в своих тяжелых шубах у тросов и опускавшим на дно океана тралы.

Мы, члены экспедиции, кроме авральных работ, несли еще и научную вахту. Во время остановок для научных работ проф. Визе и гидролог Лактионов измеряли глубины, брали пробы и температуры разных глубин океана. Проф. Шмидт вместе с биологом Горбуновым возился с добытыми со дна моря животными и растениями. Проф. Самойлович копался с Ивановым в добытом со дна моря иле, а мы, корреспонденты, вертели тросы тралов, помогая и тем и другим.

¹ «В память Кверини, Стоккена и Ольера. Советская экспедиция 1929 г.».

Случалось, что кто-нибудь из нас просыпал вахту. Стыдно было выходить наверх, когда вокруг уже кипела работа. Владимир Юльевич Визе, всегда вежливый и предупредительный, но более всего в жизни ценящий свою работу, в таких случаях сразу менялся. Он бывал так зол на провинившегося, что на целый день переставал замечать его и даже не здоровался с ним.

Запасы пресной воды пополнялись с поверхности льдин.

Во время этих научных остановок, когда ледокол стоял без движения, Владимир Иванович не мог бездействовать. Отдав кучу распоряжений вахтенному штурману, он спускался вниз. Покручивая вместе со мной ручку лебедки, он весело посмеивался:

— Что, узнали, где раки зимуют? Подождите, узнаете вы горя поморского!

Но все это говорилось с такими милыми нотками в суровом голосе, что обычно в самые трудные минуты своими страданиями Владимир Иванович лишь подбодрял нас. С таким капитаном не страшно было не только зимовать, но даже итти напропалую к самому полюсу!

Запертые на маленькой территории корабля, люди самых различных характеров, мы были спаяны суровой борьбой со стихией, мы жили как братья. Никакие невзгоды не были нам страшны, и иногда казалось, что мы теряем даже представление о действительной опасности, угрожающей нам.

VIII. Домой.

Обратный путь был полон бессилия и тревоги. Застряв в непроходимых льдах Британского канала, «Седов» пытался увеличить свои ледокольные свойства загрузкой трюмов льдом. В бесконечном аврале шла лихорадочная работа: кололи лед пешнями, потом на лебедке подымали его на ледокол и погружали в трюм.

Но все так же был беспомощен наш «Седов» перед стихией. Уже четвертые сутки стоит «Седов» среди бескрайней ледяной пустыни. Ни малейшего ветерка, который давал бы хоть надежду на движение льдов и освобождение из их объятий... Мы готовились к зимовке—мороз крепчал с каждым днем... Во всяком случае решено было пробиваться прямо на юг, не заходя даже в бухту Тихую, где вместе с семьей зимовщиками оставались плотники и печники, заканчивавшие отделку зданий.

Еще через день, когда казалось, что мы уже никогда не выберемся отсюда, начальник экспедиции с тремя спутниками отправился пешком в бухту Тихую—надо было проверить ход работ по пуску радиостанции и забрать на ледокол рабочих.

Но едва вышли наши товарищи, подули ветры, льды развело, появились большие разводья, и наших пешеходов унесло на юг, прямо к океану.

Эти же ветры позволили «Седову» быстро добраться к нашему поселку. Но наших товарищей мы там не застали...

Целую ночь ходил «Седов» у берегов острова Скотт Кельти с тревожными гудками, разыскивая группу Шмидта.

Если им не удалось спастись на этом острове, льды унесли их в океан...

Много тяжелых часов прошло, прежде чем в тумане мы услышали с берега сухие револьверные выстрелы—сигналы наших товарищей. Измученные долгим странствованием по льдам они попали в снежный буран и так продрогли и устали, что, устроившись в маленькой палатке Отто Юльевича, завалялись спать, несмотря на то, что издали им уже были слышны тревожные гудки «Седова».

К утру мы стали на якорь в бухте Тихой. Спустились по штурм-трапу на лед и по льдинам добрались до берега.

Под троекратный салют взвился красный флаг на главном доме нашего поселка. Слова О. Ю. Шмидта, Р. Л. Самойловича, В. Ю. Визе и начальника поселка П. Я. Илляшевича, выступивших с речами, гулко разносились по прибрежным скалам.

Первый митинг на 80-й параллели!

За обедом Кренкель с лукавой улыбкой на своем широком лице сообщил мне, что сегодня ночью он пустит в первый раз свою радиостанцию, самую северную в мире станцию.

После ужина и обычных бесконечных разговоров за столом я опустился в ждавшую меня у борта шлюпку и, тихо всплескивая веслами по зеркальной глади очистившейся от льда бухты, направился к берегу.

Метров за сто от поселка, пробираясь между застрявшими на мели айзбергами, я услышал пыхтение мотора радиостанции. Робко открыв свежесрезанные двери, я вошел в широкие сени главного дома, в котором помещается станция. Дверь была открыта в сени, за новеньким полированным столиком я увидел согнувшуюся могучую спину Эрнеста Кренкеля. На нем были наушники, ноги нервно тряслись на перекладине стола. На входящих он не обращал никакого внимания.

Очень скоро он прервал перешептывания, которыми сопровождался осмотр новеньких блестящих аппаратов и щитов, страшным криком:

— Замрите! Мертвая тишина!

Потом, привстав от волнения, он повернулся к нам, улыбнулся и тихо проговорил:

— Есть, слышу. Это Америка...

Он снова сел за стол и стал нам выкрикивать названия станций Аляски и Канады, одно за другим. Положив руку на ключ, он стал затем выстукивать ответы.

Станция заработала...

Я тихо вынимаю свой корреспондентский блок-нот и быстро составляю первую корреспонденцию, которая будет передана через эту новую советскую станцию. Немного волнуясь, Кренкель записывает ее в журнал, потом встает и молча пожимает руки всем присутствующим.

Чтобы немножко успокоиться и отдохнуть, он выключает мотор и (в который раз!) в сопровождении полудюжины путающихся под ногами собак водит нас по дому. Немного приземистый и суровый снаружи, внутри он ничем не отличается от подмосковной дачи. Хотя на полу еще стружки, но на столе

уже гремит патефон, а в углу топится в самоваре ледниковый снег—гостей будут угощать настоящим пресным чаем.

В окно комнаты Кренкеля глядит крест с могилы погибшего от цынги механика «Св. Фоки» Зандера. Возвращаясь со своей полярной вахты, радист Эрнест Кренкель будет направлять свой взор на эту каменную могилу, где лежит завернутый в парус, неразложившийся в холоде труп.

В борьбе одни заменяют других. Глаза полярного радиста будут спокойно окидывать взором этот покосившийся, обглоданный медведями крест. Кренкель и его шесть товарищей, молодые и отважные бойцы науки, будут стойко переносить, если это потребуется, самые жестокие лишения на своем далеком от людей и солнца посту. Эти семеро—настоящие герои, скромные, незаметные труженики, которых теперь так щедро рождает наша страна.

Ночью Кренкель снова садится за аппарат. На этот раз ему удастся услышать советскую станцию—коротковолновика Евсеева из Нижнего-Новгорода, работающего так же, как и Кренкель, на волне в 43 метра.

Долго выстукивает Кренкель «всем, всем, всем», вызывая весь мир. Затем он напряженно прислушивается. Слышимость плохая: там, на юге, сегодня 30 августа, жарко, грозвые разряды, а у нас за окном густыми хлопьями валит снег.

Но иногда лицо Кренкеля принимает добвольное выражение. Я долго, в течение нескольких часов, слежу за его меняющимся лицом, пока дремота не одолевает меня. Механик Муров уже прикурнул у мотора, а рядом с ним, у керосинового бака, свернувшись, уснула собака.

Боясь побеспокоить Кренкеля, ушедшего всеми своими мыслями в эфир, я тихонько подымаюсь и ухожу, не прощаясь. Но Кренкель,—напряженное лицо его вдруг стало очень жалобным,—не обратил никакого внимания на меня. Станция на Земле Франца-Иосифа работала, и ее радисту не было никакого дела до чего-либо другого. Я вышел. Все жившее в этом доме уже жило своей особенной жизнью, было погружено в свои заботы и дела. Лишь пушистая, вежливая собака потянулась мне вслед, помахала хвостом и проводила меня до двери внимательным взглядом.

На утро мы прощались с нашими товарищами, остающимися здесь. Ледокол был расцвечен флагами, ружейные салюты гулко отдавались в прибрежных скалах. Прыгая по льдинам, зимовщики вместе с громко лаявшими собаками провожали нас до самой середины бухты.

Никогда не забыть этого прощания.

Но на следующий день после тяжелой сцены прощания оставленные нами товарищи снова увидели «Седова» в бухте...

Встретив в Британском канале тяжелые ледяные поля, боясь быть затертыми в уже смерзавшихся льдах, вернулись мы обратно. Мы уже готовились к зимовке вместе с нашими семью смельчаками.

Но ледовая стратегия наших водителей победила и на этот раз. Мы пошли на север, думая пробиться к югу обходными путями. Мы шли проливами, никогда не видавшими кораблей, то тараня вековые льды, то садясь на неведомые мели.

Южнее архипелага, пробиваясь во льдах, мы потеряли лопасть винта и получили две пробоины в носовой части корабля. Шли минуты, часы, дни, когда зимовка во льдах казалась неизбежной: быстро приближалась полярная ночь, все крепче смерзалась льды. В бесконечных авралах, в беспрестанном откачивании воды из накренившегося носа корабля прорвались мы к мысу Желания, где увидели первые чернеющие воды океана.

Тогда мы поверили, что в этом году будем в Архангельске.

12 сентября мы вошли в Белое море среди салютов советских и иностранных судов. С жадной радостью вглядывались мы в давно не виданную зелень береговых елей.

Мы были дома.

Цена 30 коп

Р

Дмитриев С.—В заоблачной стране (Тибет). Ц. 60 к.

Дмитриев С., Пушкарева Е.—Из жизни старой и новой Монголии. Ц. 45 к.

Пушкарева Е.—Среди песков Южной Африки. Ц. 55 к.

Серебрянникова Л.—В первый раз вокруг света (путешествие Магеллана). Ц. 40 к.

Дзюбинский С.—Секретная шкатулка. Ц. 45 к.

Долотин Н.—Остров сокровищ (на советском Сахалине). Ц. 60 к.

Лухт Э. и Бобров Н.—Год на острове Врангеля (Северная воздушная экспедиция). Ц. 60 к.

Окунев Я.—По Китайско-Восточной дороге. Ц. 45 к.

Синицын Т.—На Новой Земле. Ц. 40 к.

Яковлев А.—Ледовой поход «Малыгина». Ц. 60 к.

Боголюбский С.—Как произошли домашние животные. Ц. 40 к.

Львов В.—Вулканы. Ц. 50 к.

Львов В.—Землетрясения. Ц. 40 к.

Невтонова А.—Мистер Хрикстон и свинья Хавронья. Ц. 30 к.

Чеглок А.—На земле и в воде (земноводные и пресмыкающиеся). Ц. 70 к.

Венкстерн Н.—Под стенами замков. Ц. 45 к.

Владимиров В.—Трубка дон Алонсо. Ц. 45 к.

Евгеньев Б.—Безымянные строители. Ц. 45 к.

Евгеньев Б.—Старина стародавняя (повесть из времен Москвы XIV века). Ц. 55 к.

Леонов Н.—Клятва на Воробьевых горах (повесть о юном Герцене). Ц. 45 к.

Митчель С.—Две лошади старой Англии. Ц. 25 к.

КАЖДАЯ КНИЖКА

В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КРАСОЧНОЙ ОБЛОЖКЕ

С заказами обращаться

в издательство

„РАБОТНИК ПРОСВЕЩЕНИЯ“

Москва, 19, Воздвиженка, 10,

а также в магазины и отделения издательства

ЧИТАЛЬНЯ СОВЕТСКОЙ ШКОЛЫ II СТУПЕНЬ